

ИВАН ГОГОТОВ

САМАЯ
ДРУЖНАЯ
СЕМЬЯ

6+

Иван Гоготов

Самая дружная семья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67591494

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-92289-1

Аннотация

Этот сборник идеально подойдёт для семейного чтения. Лев и его дружная семья здесь главные герои. Лев – умелый рассказчик, он побывает в дремучем лесу и краеведческом музее, у судоходной реки и внутри влажной пещеры, промчится на самокате и скейтборде, отправится в путешествие автомобилем, поездом, самолетом, встретит Новый год и Рождество на даче. Его сестра Ася затронет потаённую струну в наших душах. А младший брат Павел не отпустит любимую маму из объятий и напишет электронное письмо Льву в день рождения. Друзья, не медлите! Поднимайте паруса и отправляйтесь в плавание по уютным страницам сборника!

Содержание

Лето	6
Самокат	6
Поле	10
Пещера	13
Самое лучшее место	21
Скейтборд	25
Лес	29
Тихая охота	32
Ресторан открывает двери	35
Море	40
Русская Амазонка	44
Разлом	51
Душевная рыбалка	59
Рядом судоходная река	64
Отдых среди берёз	70
Моя семья	72
Мама	72
Папа	76
Письмо старшему брату	82
Победителям	88
День рождения	91
Осень	93
Дома осенним днём	93

Картины осеннего парка	96
Звёзды	99
Кем стану. Чем увлекаюсь	103
Информационные технологии	103
Я – человек науки	108
Кинематограф	111
Маленький повар	114
Мастер и ученик	121
Музыка	125
Мои путешествия	128
Автомобилем	128
Поездом	132
Самолётом	144
Мой досуг	147
Встреча с театром	147
Художница	150
Краеведческий музей	154
Наша библиотека	166
Зима	168
Тридцать первое декабря	168
Чудеса бабушки Николая	173
Рождество	177
Очень снежный День свадьбы	179
Зимний лес	184
Дополнение	191
Морозным днем	191

Иван Гоготов

Самая дружная семья

Посвящается моей семье и всем дружным семьям

Дорогие друзья, для музыкального фона во время чтения рекомендую поджанр электронной музыки IDM (Intelligent Dance Music)

Лето

Самокат

Вот и закончилась длинная зима, а весна растопила последний выпавший снег и иссушила всю талую воду.

«Быстрее, быстрее, успевай меня увидеть во всю высь и

ширь, ведь я – такое мимолётное», – шепчет тёплым ветром лето каждому. Я, конечно, слышу голос вступившего в права лета. Как же можно упустить лето? Не увидеть его сочных красок, не почувствовать его пьянящих запахов, тёплых дождей, не услышать тревожных громовых раскатов? Что может помешать мне? Кажется, ничего! Даже если бы я заболел простудой, что летом бывает крайне редко, я смог бы поймать его, пусть ухватившись всего за один яркий малый душистый цветок, тёплый тонкий луч.

Я достаю свой скучавший всю зиму по асфальту, брусчатке и даже лужам самокат. Перво-наперво надо хорошо подготовить его для бега по городским артериям среди домов, утопающих в зелени и цветах. Самокат – это частица лета, его неотъемлемая частица. Это само лето ускоряет самокат, крутит его быстрые полиуретановые или надувные колеса. Чудный солнечный день как раз подходит для первой поездки! Да и мама просит: «Лев, сгоняй в магазин!» Выхожу на улицу, отталкиваюсь пару раз. Когда самокат послушно переносит меня, я чувствую сопротивление ветра, он словно поглаживает. А потом останавливаюсь, но лето подхватывает и заключает в свои объятия.

Кое-где побитая брусчатка... Высокий поребрик... Солнце на голубом небе приятно слепит глаза... Узкий тротуар... Припаркованные машины разных марок... Самокат огибает старое дерево с могучей кроной... Спуск и снова территория пешеходов... Зебра... Ещё пара поребриков... А теперь

можно разогнаться: асфальт как чёрное зеркало... Быстро проносятся благоухающие деревья и кусты... Далеко позади остаются идущие навстречу люди... Поворот... Пора сходиться на берег... Доставать и вешать на руль легкую сумку, которую ветер пытается надуть, как парус... Прохладное помещение магазина... Сумка наполняется... Я не ощущаю её веса, самокат всё взял на себя... Касса... Подножка... И в обратный путь слегка гружёными!

Этим летом я буду носиться по разным дорогам на самокате, улетая в городские джунгли, как Маугли. Мы будем там, где раньше не проезжало наше колесо и не ступала нога. Он будет ускоряться, обгонять, объезжать, скатываться, тормозить и снова молнией рассекает лето. Боязливые пешеходы и вежливые водители будут пропускать меня. Мы не раз увидим изумрудный парк, шумящий фонтан, ленивый пляж, тенистые прохладные аллеи, покормим серых уток и более красивых селезней, отдохнём у пахнущей морем, освежающей воды.

А когда лето закончится, и мой друг причалит до следующего смеющегося лета, зимними снежными вечерами будет что вспомнить! И можно будет сказать, что лето не прошло зря! А ближе к весне заводить на кухне разговор.

- Скоро лето, обещают тёплое и солнечное!
- Как и прошлое, Лев? – спросит мама.
- Ещё лучше!
- Самокат тебя заждался.

– Да-а-а... И я жду не дождусь наших летних дней. Так хочется снова помчаться на самокате!

Поле

Сначала слякотный декабрь, потом промозглый январь и вот снежный февраль. Зима подходит к концу. Да и вокруг атмосфера уже весенняя. Много снега, но уже дышится как-то по-весеннему, и небосвод уже не такой безнадежно-серый, что-то есть апрельское в нём.

Мама, я и брат Павел вспоминаем наш давнишний разговор, состоявшийся в таком же феврале несколько лет назад, и наше первое свидание летом с полем.

– Лев, Павел, хочу, чтобы летом мы вместе погуляли по цветущему полю, – предлагает мама.

– С удовольствием!

– Папа будет за рулём, и мы уедем туда, где не смята ни одна травинка, – мечтает мама.

– Мы согласны!

Время летит незаметно для всех нас. Весенние дни утекают ручьями, напоследок радуя набухшими почками и первой салатной листвой, – это и есть новая юная жизнь. И наступает яркое лето. Земля прогревается, пропитывается дождевой водой, и к окончанию июля наконец-то зацветает поле.

Всей семьёй садимся в машину и едем куда глаза глядят, а может, на край света. И когда сбегает с нашего корабля, оказываемся посреди бескрайнего цветного поля. Мы с братиком ворвались в него. Какое изобилие белых, жёлтых,

соломенных, фиолетовых, серебряных цветов и трав! Затихаем. Теперь нас не услышишь. Вдыхаем аромат раскрывшихся полевых цветов. Он сразу начинает кружить головы. Знакомимся с полевыми жителями. Ин-те-ре-сно! Слушаем, как стрекочут кузнечики, впечатляемся неспешным полётом мохнатого шмеля от цветка к цветку. А затем не спеша идём и ласково гладим высокую траву, ощущая ладонями каждый лепесток и стебель. Так мама всегда гладит нас. Кажется, поле благодарит за общение с ним. Оно разговаривает, веселится и смеётся. А потом, по маминому примеру расставив руки, прижимая телом душистые травы, ложимся на прогретую жарким солнцем землю. И какое-то время лежим, не шевелясь, и просто дышим полной грудью. Наблюдаем... Одинокая мелкая туча плывёт по голубому небу, она улыбается нам и круглое солнце – тоже... Мы опять бегаем друг за другом, родители видят только наши макушки. Наши глаза светятся от счастья. Вот это раздолье! Вот это свобода! Кажется, здесь нас уже не остановить, но мы вновь останавливаемся и осматриваемся. Слова сами слетают с губ: «Какое же ты красивое, цветущее полюшко». А может ли быть иначе, ведь само солнце и тёплые дожди взрастили его.

Но вот мрачные грозовые тучи появляются на горизонте и быстро-быстро подползают к нам, кривые молнии видны рядом, и слышен раскатистый гром.

– Пора ехать, – говорит мама нашему папе. – Лев! Павел!
Как бы ни хотелось остаться, но родители зовут меня и

братишку.

Мы весело забегаем в душную машину, и первые капли падают на её стекла. Мы пристально вглядываемся в разноцветное разнотравное поле и говорим ему: «До свидания». Поле тоже грустит. Оно живое. После нашего ухода что-то изменилось в нём – это точно. Мы хотим ободрить его и, опустив стекло автомобиля, кричим: «Мы обязательно вернёмся! Обязательно! Жди нас!»

– Мама, хорошо, что сегодня мы вспомнили все это, – говорю я.

– Давайте этим летом снова встретимся с полем, – предлагает Павел.

– Конечно, Павлуша и Лёва, я не против. Ведь мы обещали! Пусть и не каждый год, но обещание надо держать, – поддерживает мама, подходит к окну и смотрит на заснеженный белый город.

Пещера

Касса-каморка с нависающей над нами треугольной крышей стоит, прижатая к каменистому холму, усеянному тонкими зелёными деревьями. «Он – лишь частица Главного Кавказского хребта, протянувшегося вдоль Чёрного моря и не только», – думал я, покупая маме, папе и себе билеты.

– Лев, теперь ты – хранитель волшебных пропусков в та-

инственный мир! – предупреждает папа.

До начала экскурсии подтянулись и другие люди, так собралась небольшая группа искателей новых впечатлений.

В назначенное время экскурсовод и по совместительству спелеолог – учёный, изучающий пещеры, – ведёт нас вниз по ступеням в обработанной горной породе, которые начинаются прямо под большой крышей кассы-каморки, далее – через вход-горлышко и продолжаются внутри пещеры. Мы останавливаемся в полутьме узкого, низкого, холодного коридора. Страшно! Каменные влажные языки тянутся к нам со всех сторон, они блестят при свете ламп и специальной точечной подсветки. Спелеолог, ещё раз поприветствовав всех, делится интересной информацией.

– Наша экскурсия пройдёт по верхнему ярусу пещеры. Её средний ярус – это пустые пространства под вашими ногами. А нижний ярус, как и следует из названия, – самые нижние пустоты, кстати, заполненные водой. То есть пещеру можно сравнить с пирогом, в этом случае ярусы – воздушные прослойки между горной породой. По ходу экскурсии мы с вами будем внимательно рассматривать неровные стены и своды пещеры, полости, образовавшиеся вымыванием более мягкой породы. И увидим множество пещерных жителей, скопанных камнем! Не терпится начать, правда? Тогда не стесняйтесь, по одному прерывайте меня, показывайте и говорите, кого вы узнали.

Изъеденная водой стена удивляет меня раньше всех. Кам-

ни, разойдясь, обрамляют чёрный квадрат – проход в средний ярус пещеры. Рядом – серая порода, её поверхность – морщинистая кожа старика.

– Порода напоминает голову ворона, его выпяченную грудь и прижатое к телу крыло. Ворон молча смотрит в чёрную бездну. Подальше серо-голубая свинья развалилась: круглые глаза-ямки, пятак и отъевшееся пузо ни с чем не перепутаешь.

Лучи светильников выхватывают из тьмы белый призрак – так рыжий известняк размылся в нише, словно наскальный рисунок.

– Голова у призрака, как у птицы колибри, длинный хоботок имеется. Тело – балахон. А беспалая рука тянется к чему-то, – завершаю я такими словами.

Молодой человек следующий:

– Коричневые щупальца – это пугливые осьминоги попрятали головы. Каменный рыцарь, темный на светлом фоне: плоский шлем из стали врос в него, глаза треугольные, длинные зубы стали железными. И горожанин вон там: сплюснутая короткополая шляпа – всего лишь падающая тень; лицо освещено, но глазницы и кривая улыбка – смоляные. Наверное, он заблудился и остался во тьме...

Полная женщина, словно сошедшая с больших полотен художников девятнадцатого века, продолжает:

– Сутулый гном, тот, у лестничных перил, устал добывать золото и алмазы, отдыхает: вязаная шапка сползла на глаза

до носа-картошки, руки – на высоком камне. А слева, да, слева – инопланетяне. Головы у них вытянутые, не меньше метра, чёрные миндалевидные глаза и свисающие носы.

По пути нам попадаются и светлые окна, их каменные рамы плывут, словно рисовал Сальвадор Дали, – это если смотреть из неосвещённых участков туда, где включена подсветка. А одна ниша, подсвеченная красным, – точно ворота в мир нечисти! Могут быть и другие варианты, но этот, мне думается, самый удачный.

Теперь черёд моего папы. Он говорит:

– Впереди силуэт, сотканный из света. Согласитесь, прекрасно обозначен каменный человек, широкоплечий, уходящий в монолитную стену. А сверху человекобык наблюдает за ним, будто сошедший со страниц древнегреческого мифа: чернильная морда с печальными глазами увенчана белыми рогами. Повернитесь, за вашими спинами длинная рыба застыла: глаза-пуговицы, огромная пасть забита ленто-видными зубами, хвост – колпак звездочёта. Интересная работа воды, да? – Папа тоже наблюдателен.

А пожилая женщина, схватившись за сердце, охает:

– Плосколобые, безносые, вижу только носовые отверстия, тонкогубые философы-созерцатели в профиль. Колпакообразный толстяк: его заострённая голова и расширяющееся тело – одно целое. А прямо передо мной лицо старухи с глубокими морщинами, обвисшими щеками, шаровидным подбородком. Надо же, как камни сложились! Беззубая от-

крыла рот – вот даёт! Ведь и я стану такой. Не ожидала увидеть.

Экскурсовод-спелеолог привёл нас в подземный зал, размаху которого позавидует любой собор. Крупные бежевые сталактиты-сосульки свисают с разноуровневого потолка, а навстречу им тянутся сталагмиты-столбы словно перевёрнутые моркови, прячущие ботву в полу пещеры. Самый крупный, застывший слоями, похож на зачарованную ель: её ветви из камня прижались к стволу, образовав с ним единое целое. А потерявшие шляпки грибы – каменные наросты – вскочили на плоских поверхностях. Мои родители, я и другие члены нашей группы продолжаем смотреть по сторонам и видеть не просто обезображенную породу, а обитателей мрачного, холодного, водяного царства.

Моя мама не остаётся в стороне и узнает чучело, сложившееся из длинных (палка и голова) и коротких (руки) вертикальных складок известняка. Следом – детей мал мала меньше, угомонившихся на высоком камне. Их круглые головки, соединённые плечи и спины – белые от падающих лучей светильников. Скитальца, облачённого в плащ. Одна деталь этого плаща – капюшон, в тени которого прячется лицо. Да, камень так и замер!

Молодой человек опять не может удержаться и восторгается былинным богатырём со шлемом-маковкой, дополненным наносником – пластиной, защищающей нос, и на переднем плане убегающими от силача змеями с длинными хво-

статями телами, тянущимися вверх по стене.

Спелеолог, остановившись у другой стены, усеянной портретами диковинных существ – этакой групповой фотографией, продолжает рассказывать нам интересные факты:

– Пещеры обладают неповторимой звуковой палитрой. Неспроста первобытные люди рисовали на их стенах.

Мы довольно шумные, поэтому летучие мыши не показывают своих свинячьих носов из щелей. От верхнего яруса там и тут отходят темные проходы всевозможных форм, будто прорытые пещерным кротом, неизученным учёными. Да, крошечный мрак покрывает все неосвещённые сантиметры лестниц и площадок тоже.

Экскурсия подходит к концу, и я, слегка дёрнув маму за рукав, возвращаюсь в игру под названием «Узнай их всех!»

– Видите, носовой брус, горизонтальная мачта корабля, или бушприт, под ней есть украшение – резное лицо старого морского волка. Скорее всего она принадлежит кораблю-призраку, бороздившему невидимые моря и бросившему якорь внутри горы. А тут высоченный человек в ночной рубашке. Люди такого роста – ходулисты – часто встречаются нам во время масленичных гуляний. Складки его рубашки слеплены из породы, а в правой руке он держит колокольчик – треугольный камень. Ближе к своду, поднимите головы, плоская стена и на ней две ямы, два глаза. Это сама многоярусная пещера наблюдает сверху за нами, и я почему-то уверен, она знает о себе больше, чем мы о ней.

– Молодчина, Лев! – Мама взъерошивает мои волосы.

Мы, шокированные, покидаем пещеру. День продолжается. Увлечённый спелеолог проводит ещё несколько экскурсий, а вечером касса-каморка и тяжелая входная дверь в холодную пещеру закрываются на все замки. И никто из учёных, никто из туристов, когда-либо побывавших внутри горы, точно не знает, что творится каждой ночью в пещерном мраке. На этот счёт ходят разные истории. Самая невероятная из них о том, что все увиденные и не увиденные людьми каменные существа, оставшись одни, оживают.

Ворон, каркая, кружит; свинья, визжа, переворачивается с боку на бок; призрак беспалой рукой пытается открыть дверь, но эфирная рука проходит сквозь дверную ручку. Осьминоги, освободив головы, плавают в водах нижнего яруса; каменный рыцарь, размахивая мечом, гоняет летучих мышей; горожанин-шляпник, ощупывая влажные стены, пытается найти выход. Сутулый гном лишь вздыхает; инопланетяне даже не вздрагивают, так как они – всего-навсего статуи, произведения древних людей каменного века, которые, видимо, контактировали с братьями по разуму. Из красной ниши слышатся голоса чертей: они варят суп с перцем для непослушных ребят. И так далее и тому подобное... А пещера смотрит добрыми глазами на всех, ей нравится наблюдать за своими воскресшими детьми.

И, когда восходящее солнце подкрадывается к горизонту, чтобы разбудить всё живое, высоченный человек звонит в

колокольчик. Пещерные существа разбегаются по своим местам. И сонный спелеолог, прохладным утром медленно открывающий входную дверь, включающий подсветку и заглядывающий в пещеру, никаких признаков жизни не обнаруживает!

Самое лучшее место

Всю неделю мы так хотели встретиться с дачей. И вот – суббота! Папа, мама, я и мой младший брат отправляемся в небольшое путешествие. Добираемся до станции на автобусе, а горожане-попутчики выйдут у метро, для них скоро откроются магазины и кинотеатры, парки и кафешки. Потом пересаживаемся на пригородную электричку и теряемся в зелёном вагоне среди таких же дачников. Прижимаемые к груди набитые рюкзаки совсем не обременяют. Вот и знакомый, обласканный зеленью длинный перрон. Пройдя по тенистой тропе и дороге через необъятное поле, окружённое изумрудным лесом, наконец доходим до дачного дома.

Как же мы любим дачу! На свежем воздухе, по чистоте сравнимым лишь с горным, мы проводим ясные и дождливые выходные, и долгожданные бесконечные каникулы тоже. Стройные яблони, сливы, вишни, черешни цветут вокруг нас, а затем щедро одаривают своими плодами. Бегая между ними, словно связывая их между собой, братик Павлик играет с четвероногим другом семьи – пуделем Хоббитом. Правда, его имя говорит о том, насколько он мал? Или пропадает со своими чумазыми друзьями. Они пылят на старых велосипедах по высохшим дорогам, обросшим по обочинам лечебным подорожником и одуванчиками цвета солнца. Играют в войну или прятки. А когда он возвращается домой

обедать, мы обязательно набираем полные ладони душистой красной и чёрной смородины, полосатого крыжовника. И после вкусного обеда, приготовленного мамой, улыбаясь, съедаем все ягоды: кислые и лопающиеся прямо во рту! Мама также заботится о цветах. Даже ароматная розовая роза распускается у нас прямо как из «Маленького принца»! А ещё к концу июня созревает настоящая сладость и восторг – клубника!

Трудно найти подходящие слова, чтобы описать нашу летнюю веранду. Это вообще целый мир, где дачная жизнь всегда кипит! Папа, отдыхая от мастерских дел, не сходит с неё, читает в своём плетёном кресле. А мама, облокотившись на перила, рассматривает редких перелётных птиц. Эти пернатые восстанавливают потраченные силы, склёвывая хлебный мякиш в кормушке, смастерённой отцом и его подмастерьями – мной и братом. Вечером, конечно, вся семья собирается на веранде за большим столом. Чёрный чай с сорванными душистыми травами: мятой и чабрецом, – заварен. Сладких конфет, нежных вафель, рассыпчатого печенья – предостаточно. И после ужина, ведя разговоры, мы долго, до самого алого заката, не расходимся. Папа интересно расскажет, как рыбачил со мной на озере и какого огромного карася мы отпустили. Заведёт беседу про наших предков, про героические сражения и морские походы.

– Лев, Павел, поведайте, как великий воин Александр Невский в свои двадцать лет, встав во главе отважного вой-

ска, победил полчище шведов? – спросит папа. Выслушав и поправив, продолжит: – Беллинсгаузен – вот кто действительно бесстрашный мореплаватель! Паруса его шлюпа «Восток» поднялись в северном Кронштадте и уже через четыре месяца плавания южные ветры Рио-де-Жанейро наполняли их, а ещё немного спустя – ветры Антарктиды и Австралии.

Мама поделится впечатлениями о собранных грибах, травах и увиденной рыжей белке, которая иногда наведывается к нам в гости так же, как и безобидный уж, и колючий ёж. Мама даст всем смешные и подходящие имена.

– Дятел-то какой внимательный, любопытный и сообразительный, – скажет мама. – Всё, всё знает: что где лежит, что где прибито. Повесили скворечник, он сразу к нему, «обнюхал» со всех сторон и даже засунул внутрь голову с красным беретом. Какой же деловой и забавный!

Павлик эмоционально, подпрыгивая на стуле и размахивая руками, подробно перескажет свои дневные приключения.

– Серёга толкнул меня. И получил хороших тумаков. Я защищал Маринку! – расхрабрится младший братишка.

А я в один из приездов на дачу прочитаю родным вот эти строки – это моё выполненное домашнее задание, самое домашнее из домашних, которое задал учитель по русскому языку и литературе. Если быть точным, на классной доске было написано так: «Расскажите про своё самое любимое место. Сдать на следующей неделе. В понедельник. P. S. От

Льва жду новых успехов, так как его прошлое сочинение понравилось всему классу!»

Скейтборд

Лёгкое отталкивание, ещё одно, и ещё. Финишная черта совсем рядом – там, где бетонный фонарный столб пронзает абсолютно чистое небо и заканчивается растянувшаяся на несколько подъездов новая двадцатиэтажка. Точно не прийти первым. Будет отлично, если вообще стану призёром. Знаю, колёса моего скейтборда горят и мечтают о прохладной дождевой луже, ведь эта невероятная гонка началась полчаса назад в одном полном детворы дворе нашего Восточного района, а сейчас заканчивается у метро, где яблоку негде упасть из-за автобусов, маршруток, такси и вечно неуспевающих по своим делам взрослых. Опытные скейтбордисты из местных участвуют в этой гонке. Ну и что с того, что нам всего по девять-десять лет, но мы – неплохи. И пусть ребята постарше сколько хотят чешут языками, что они в наши годы катались намного круче!

А всё закрутилось одним тёплым майским днём. Я увидел, как пацан моего возраста пронёсся мимо меня на скейтборде, словно гиперзвуковая ракета. Я был поражён: скорость такая немыслимая, а он так уверенно держится на доске. Целый день у меня перед глазами стояла эта удивительная картина. Да, да, картина, по-другому и не назовёшь: в том моменте всё было идеально, и он был по-настоящему красив. Близился мой день рождения, самый главный день.

– Пожалуйста, осчастливьте меня скейтбордом! – попросил я родителей.

– Лев, обещай, что будешь аккуратен. Мы знаем, что скейтбординг очень травмоопасен.

Я дал слово, и родители согласились. Как сейчас помню, мы с мамой пришли выбирать доску, мою доску, в прохладный и огромный – футбольное поле отдыхает – спортивный магазин. Когда продавец принёс новый скейтборд, который захотела душа, ярко-красный с изображением раскалённой кометы, я уточнил его характеристики: материал, число слоёв и размер деки, тип подшипников и их материал, а также материал трака и амортизаторов, размер и жёсткость колеса.

– Лев, да ты неплохо в них разбираешься! – была удивлена мама.

А потом случилось волшебство, другим словом и не опишешь! Я, конечно, спросив продавца, первый раз встал на доску, прямо в магазине, среди вешалок со спортивной одеждой разных размеров и полками со спортивным инвентарём. Не испугался. Ещё до этого первого шага на доску, который сродни первому шагу астронавта на далёкую планету, я почувствовал, что не упаду, что у меня сразу получится. И не ошибся. Поехал так, будто с рождения стоял на ней. А затем, после того как доска стала моей, было первое катание по городу. Я без напряжения преодолел расстояние от необъятного торгового центра до нашей старой двенадцатиэтажки. У меня опять всё получилось, твёрдый дух остался при мне,

а корпус и ноги сами знали, что делать. Я не растекался по доске как новорождённый котёнок.

Этим летом я всегда был на доске, и доска была при мне. Скатывался с горок, ускоряемый попутным ветром; объезжал препятствия, иногда довольно рискованно, того и гляди мог «разлететься» по асфальту, в лучшем случае разодрать колени и локти. Признаюсь, и с гордостью: «У меня уже были падения!» Без падений нет скейтбординга, и я доволен, что испытал на себе, каково это – после свободного полёта быть притянутым силой тяжести к жёсткому, не терпящему слёз асфальту. Папа говорит: «Лев, машину надо чувствовать». Вот и я чувствую свой скейтборд. Я и он – неразделимое целое! Я слышу, как его колёса трутся о дорогу. Вижу, как они крутятся. И как он быстро несёт меня меж серых домов, которые купаются в жгучих солнечных лучах. За лето я достиг большого мастерства и катаюсь неплохо, но до того парня, поразившего меня, нужно дорасти. Я знал это ещё до старта нашей увлекательной гонки.

В итоге я взял бронзу, пришёл третьим. Пацан, который домчался первым, – тот самый, что летел гиперзвуковой ракетой мимо меня, а серебро получил его дружок. Во дворе они выполняли трюки на доске. Например, «олли» – это когда скейтбордист вместе с доской поднимается в воздух без помощи рук, словно лёгкая птица. Согласитесь, так проще преодолевать поребрики, можно вообще не останавливаться, не терять ни секунды. Но, разговорившись с ними после

финиша, я понял: этим ребятам покорились далеко не все флипы, грайнды, слайды, грэбы, стэйлы. А мне покорится каждый трюк – так я решил. Скейт из канадского клёна, профессиональный, скоро появится у меня. Я уже внимательно изучил, как ухаживать за своей доской: промывать, смазывать и, если потребуется, менять подшипники. Поэтому мой новый друг будет всегда в форме. Уверен, следующий год станет победоносным! Я сделаю всех сверстников! И даже взрослые доскеры начнут со мной считаться!

Лес

Сейчас я вспоминаю, что чувствовал, когда школьником вместе с родителями бродил по лесу, высматривая грибы. Я чувствовал, что попал в волшебную сказку, хожу по таинственному месту. А где-то рядом кот учёный, мурлыча себе под нос старую песню, вальяжно прогуливается у ног Царевны Несмеяны, запертой в заколдованном бревенчатом замке. Царевна, глядя через окно на простирающийся внизу лес, мечтает о свадьбе с былинным богатырём – Ильёй Муромцем. Русалка, свесив чешуйчатый хвост в холодную реку, скучает по морской солёной бездне. Дряхлая Баба-яга варит колдовское зелье для Ивана-дурака, а скрипучая дверь избушки на курьих ножках приотворена. Если Иван не устоит от соблазна отведать зелье, то в миг превратится в глупо бляющего козлёночка, которого Бабе-яге не составит никакого труда сварить. Кашей Бессмертный не знает, чем ещё заняться, и пугает на узких тропях странников.

Это я чувствовал, каждый раз бывая в лесу. А вот что подмечал – быть или небыть, – решать вам.

Прелые листья и еловые иголки под ногами – идешь и словно утопаешь в болоте. Неслышно ступаешь, но вдруг одна сухая ветка трескается под сапогом, после – другая. Уверен, их Баба-яга сама разбросала. Услышит треск и прищелкнет в ступе зубы заговаривать. А вот один крупный,

да такой, что не обхватить, осиновый ствол разделился на два ствола поменьше. Первый близнец словно указывает путь к хитрому Соловью-разбойнику, который своим свистом усыпляет заблудившихся и оказавшихся рядом с ним горемык. А другой близнец – дорогу к доброму лешему, готовому любого проводить сквозь непроглядную и непроходимую чащу до ближайшей деревни. А ещё лесные цветы с чашечками. Возможно, сама Красная Шапочка ухаживает за ними. Рано-рано она уходит из дома, бежит в лес, набирает студёной воды из родника и весь день поливает поляны цветов, озарённые солнцем, пробивающимся сквозь мохнатые еловые макушки. А Серый Волк ни на шаг не отстаёт от своей юной госпожи, охраняет. И рыжая, прыгающая с ветки на ветку белка, наверняка ищет золотые шишки-свечи, а затем разбрасывает их по заросшим тропам, чтобы случайные путники, постукивающие деревянными посохами, могли пополнить опустевшие за годы странствий потрепанные кошельки. Молодые папоротники, как выющиеся локоны, – чем не остриженные волосы той самой Царевны, которые ветер разнёс, а колдовской туман превратил в трын-траву. Да ещё поваленные (ух, как!) корнями наружу берёзы – точно наш крепкий богатырь пораскидал. Видимо, очень спешил к кому-то на помощь. Кусты лесной земляники совсем без спелых ягод, лишь белобокие остались. И они же незрелые, кем-то сорванные, разбросаны по опавшей листве – пожалуй, дело рук Мальчика-с-пальчика. Ведь компот и варенье из спе-

лых ягод получаются очень вкусными и по вечерам можно угощать своих маленьких друзей – Мальчиков-с-пальчиков и таких же девочек. А по брошенным ягодам просто и легко найти обратную дорогу к своему невысокому дому. Ну, а ку-кушка, бывает, пропоёт рядом с посёлком и напоследок не забудет без спроса будущее предсказать.

Вот что я тогда чувствовал, что примечал. Лес – не место для игры в прятки или догонялки. Здесь может кто угодно появиться и что угодно случиться. И сейчас я люблю часто ходить в лес, но стараюсь не в одиночку, потому что не забываю наставление родителей: «Лев, запомни: лес таит в себе много опасностей!» Я тщательно готовлюсь к этому дню: беру навигатор, воды и еды на всякий случай. А такие «всякие случаи» уже бывали у меня. Или стараюсь не уходить далеко от дороги. Но вот что ещё важно знать – если ты войдешь в лес с добрыми намерениями, его духи никогда не обидят тебя, и ты непременно отдохнёшь душой среди сказочной первозданной красоты и точно восстановишь свои силы, потраченные в многолюдном, переполненном машинами городе.

Тихая охота

«Для грибника – человека, любящего собирать грибы, настоящее счастье – это когда лес полон разных грибов. Белый гриб, подосиновик, подберёзовик, лисичка, маслёнок, груздь, дождевик, сморчок, строчок, свинушка, зеленушка, да что там, даже сыроежка должна отправиться с лесного ковра прямым в плетёную корзину», – так считаем мы, я и вся моя семья, охотники за грибами!

Как только в лесу появляются наши любимчики, то есть грибы, а они готовы повылезать уже весной, мой папа, моя мама, сестра Ася, я и брат Павел каждый свободный от работы и учебы выходной тут как тут, тихо охотимся. А прийтись они могут где угодно, где сами захотят.

– Лев, вон там один с неброской коричневой шляпкой и ножкой такой, будто береста отшелушивается, поудобней устроился под белой берёзой, у всех на виду. Что за гриб? – спросит мама.

– Это подберёзовик, – мгновенно отвечу я.

А другой расположился покомфортней: прикрыл опавшими листками свой головной убор, похожий на чёрную космическую дыру, воронку с грустно опущенными краями. Наверное, боится набрать прохладной дождевой водицы. Никак чёрный груздь? Да, да, брат-близнец белого груздя – «царя грибов»! Наши прапрабабушки и прапрадедушки дали

ему такое имя за то, что засоленные белые грузди, конечно же, и чёрные, добавляли в окрошки и салаты, пекли пироги и делали закуски с ними. Эти кулинарные шедевры получались вкусными (пальчики оближешь!) и подавались к столу практически круглый год.

Третий гриб спрятался за широкую осину. Никогда не найдёшь, если не заглянешь. Смотри, какой крупный с оранжево-красной, апельсиновой шляпкой, широкой и на вид плотной «коренастой» ножкой. Наверняка не червивый. Ух, нет, не червивый... Я был прав. Хороший подосиновик!

А эти разошлись по лесной поляне и принимают солнечные ванны, даже слышно, как хохочут во все голоса. Жёлтые, словно солнце, оранжевые, точно лисы. Да они так и называются ли-си-чки! Сами не больше пальца, и шляпки-то, гляди, растут прямо из ножек. Придётся идти ещё за одной корзиной к машине.

Ну а маслята-то будто в светло-коричневые пиджаки и белые брюки нарядились. Стоят среди еловых иголок, совсем не боясь уколотся, и дышат в своё удовольствие чистейшим лесным воздухом. Выпрыгивают из рук! Видимо, намазались маслом. Никак не хотят уходить из лесу.

От наших зорких глаз не утаится и целая группа белоснежных малюток с шляпками воздушными шарами. Это дождевики. Позавчера дождь, вчера, сегодня – они и народились.

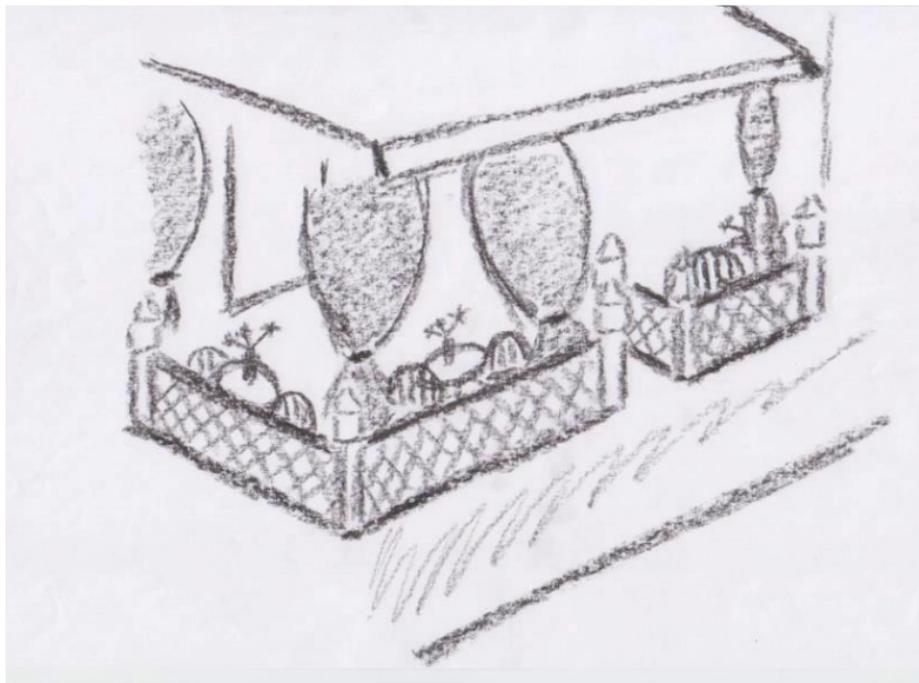
А вот ещё – как же их много, куда ни глянь, – торчат и

дразнят, но не поганки. Угадай, что за грибы? Конечно, разноцветные сыроежки! Знаете, они и грузди – вроде сестер и братьев, члены одной семьи, а по-научному – семейства сыроежковых!

Надо столько перешагивать через упавшие и отсыревшие древесные стволы, столько пробираться через ветки с кружевными паутинами, обойти столько зарослей, насобирать столько разных красавцев-грибов, чтобы наконец краем глаза увидеть его – грибного короля... Самого благородного из благородных! Самого крепкого из крепких! Его величество белый гриб! Первая реакция – восторг. Нашёлся, не ушёл! Потом – удивление. Как же сложен, какая стать, как идеален! А в конце, когда аккуратно срежешь, – удовлетворение... Мой, только мой: и красно-коричневая, кирпичная шляпка – моя, и ножка, напоминающая винную дубовую бочку, – тоже моя...

Устав от азартной охоты, всегда довольные уходим из леса. После, уже дома, мы раскладываем на большом кухонном столе всех молодцов и дружно начинаем перебирать, резать, чистить, мыть, варить и сушить свою добычу. А затем мама и Ася целый день будут закручивать банки, мариновать грибы и солить. Признаемся, это не легко и совершенно не радует. Но зато всю зиму мы бесподобно украшаем еду заготовленными грибами и мечтаем о новых походах в лес за новыми!

Ресторан открывает двери

Чем замечательна южная граница России? Конечно, тёплыми морями, загорелыми людьми, разными южными растениями и лечебными водами. А ещё своими нелёгкими пешими горными маршрутами. Пройдя по одному из них, устав, особенно приятно минуту-другую отдохнуть. А потом тёплым вечером пойти туда, где можно вкусно поесть на свежем

воздухе под лёгкую музыку: в один из ресторанов с открытой верандой, без которых южные города навсегда потеряли бы свою привлекательность.

Мама, папа и я неспешно подходим к ресторану. Уютное место. Заборчик веранды и столы белые, как мел. Каждый стол украшает мелкая красная ваза, будто сделанная в технике папье-маше и раскрашенная детьми. Из ваз выглядывают предгорные цветы, белые и жёлтые. Может быть, бабушки с обветренными, впитавшими каждый солнечный луч морщинистыми лицами собирали их.

– Давайте за этот стол?

– Лев, хороший выбор, – одобряют родители.

Мы усаживаемся за стол около белого заборчика. Две подвязанные шторы, как будто растворенные окна, открывают вид на пешеходную улицу с вековыми крымскими соснами, кажется упирающимися в блёкнущий небосвод. Их ветви как кисти художников скоро раскрасят чёрным небесное полотно, а иголки проколют звёзды и луну.

Подбегает официантка, девушка моего возраста в белой рубашке и чёрном фартуке. Перед каждым кладёт меню, выделяющееся толстой коричневой обложкой. И тактично исчезает. Мы выбираем по одному блюду, учитывая свои вкусы и то, что сегодня весь день провели на ногах, пройдя немало по горной крутой тропе здоровья, вдыхая полной грудью не городской, а богатый лесной воздух. Ещё для нашей дружной компании берём чайник чая с душистым чабрецом.

Пока ждём заказанные блюда, мы с папой читаем на смартфонах. Проводить свободное время в ресторане с цифровой книгой очень приятно: ты увлечён красотой авторского стиля или развитием сюжета, но изредка прерываешься и созерцаешь происходящее вокруг, а потом снова уходишь с головой в интереснейший рассказ, повесть или роман. В эти секунды реальный мир и нереальный соприкасаются, что остро ощущается. Мама же присутствует здесь и сейчас: наблюдает за парами, гуляющими в обнимку по пешеходной улице, и за семьями с неугомонными детьми, энергия которых, кажется, неисчерпаема, ведь солнце уже опустилось за возвышающиеся на горизонте темно-зелёные горы.

Веранда заполняется мягким жёлтым светом и появляется необычная гостья. Ей около шести лет, у неё не детские умные и печальные глаза, прямые волосы, достигающие до плеч. Она болезненно стройна и... сама уверенно и шустро управляет инвалидной коляской с электроприводом. Такие девочки и мальчики с ДЦП иногда встречаются здесь, поскольку горный климат благоприятно влияет на течение нервных болезней. Я отлично знаю это, так как в любимом журнале была опубликована статья об этом. Семья девочки устраивается вокруг стола, и уже им из ниоткуда появившаяся официантка приносит меню.

Я в очередной раз отрываюсь от подходящего к концу рассказа и встречаюсь с грустной леди глазами. Она смотрит на меня большими голубыми глазами, словно двумя морями и

разбивающимися о берег штормовыми волнами. И вдруг её бледное лицо расплывается в улыбке. Такое чувство, что кто-то связал нас. После гор вымотались не только мои родители, но и я. И эта усталость, не спрашивая, обернулась... печалью. Видимо, необычная леди почувствовала это и решила подарить мне чуточку своего тепла. Конечно, я улыбнулся в ответ. Она смутилась, мне даже показалось, испугалась как дикий горный зверёк, отвернулась и стала задумчиво смотреть на тускло освещённую фонарями пешеходную улицу. Моя печаль тут же улетучилась.

Вот официантка принесла не просто еду, а настоящие произведения искусства. На тарелках – перевёрнутых шляпах – талантливые повара из обыкновенных продуктов «нарисовали» великолепные объёмные картины. И мы просто не могли позволить себе мигом проглотить такие шедевры, хотя испытывали голод. Мы наслаждались вкусовой палитрой гениально приготовленных блюд. Но, как бы мы ни растягивали удовольствие, смакуя каждый отрезанный и наколотый кусочек, наши тарелки, к сожалению, скоро оказались совершенно пустыми. Настроение заметно поднялось! Я разлил по небольшим чашкам заварившийся ароматный горячий чай. И мы разболтались. Живо заговорили о сегодняшнем походе в горы, стали делиться яркими впечатлениями. Был слышен и голосок доброй леди – какая-то сила чувствовалась в её словах и что-то неземное.

Потом я жестом подозвал нашу официантку, от всей се-

мый поблагодарил поваров и попросил рассчитать нас. Расплатившись и оставив чаевые в деревянной шкатулке, мы уходили с вечерней веранды в золотых огнях. Мы с девочкой опять встретились глазами, теперь я улыбнулся первым. У меня возникло желание подойти к ней и пожелать добра.

– Спасибо, маленькая леди, у вас большое сердце! – поблагодарил я.

– Вы очень добрый...

– Меня зовут Лев, – подсказал я.

– Лев, мне показалось, что вы грустите. Пожалуйста, больше никогда не грустите, – попросила она.

– Я обещаю, но обещаите и вы...

– Мария.

– Обещаите, Мария.

– Я буду вспоминать вас и улыбаться, – ответила загадочная девочка.

Мы расстались. И когда мама, папа и я шли по пешеходной улице под жидким светом фонарей к своему отелю, мне показалось, что добрая леди провожает нас своими печальными глазами. И от этого на сердце опять стало необыкновенно тепло!

Море

Нам совсем не пришлось уговаривать папу: он сам предложил взять маму и меня, любимую дочку, в свою командировку. «Ася, помоги маме собрать чемодан и поехали!» – тогда скомандовал папа.

Наш путь лежал через жаркий Краснодарский край, а более прохладный, Ставропольский, являлся конечной целью. Нам очень понравились оба, но особо запомнились невероятные дни, проведенные в объятиях бархатного Чёрного моря! Как мы встретились с ним? Да все просто: у нас было два лишних дня, мы посоветовались прямо в мчащейся по трассе машине и решили свернуть на юго-запад. Сентябрь подходил к концу, и там заканчивался шумный туристический сезон. Именно поэтому свободный номер нашелся без долгих исканий, буквально три шага – и вот оно, прекрасное море! Также рядом без проблем приобрели всё необходимое для купания.

Итак, начну по порядку с первого дня. Мы отдыхали на пляже, и наши спины касались белоснежных лежаков, на которые чуть ли не накатывались волны – ладони моря. Они не хлопали громко, они шелестели, лаская слух. Море настойчиво звало к себе, хотело дотронуться своими ладонями до каждого из нас, нежно обхватить руками и растворить в себе. И мы, раскалившись под ярким, совершенно белым солн-

цем, отправились к нему на свидание, плавать. Сначала вода казалась прохладной, но, окунувшись в неё с головой, нам стало тепло в море. Оно согревало, как одеяло осенним промозглым вечером, и оберегало от остужающих ветров, идущих с морских просторов. А ещё, находясь в море, мы чувствовали, как оно бодрит, прибавляет сил и освежает. Когда ненадолго покидали его, капли солёной воды стекали по нашей коже – возможно, так же, по божественному промыслу, наши предальёкие предки, которые ни капли не походили на нас, совершали свои первые шаги к существованию на суше. Не поэтому ли нас всегда тянет к морю? Может быть, мы ещё помним свой старый милый дом? Не хотелось выходить из воды, и мы долго бродили по самой её кромке, а набегающие и отступающие волны, камешки приятно массировали ноги. Ну а потом, возвратившись на свои лежаки, долго созерцали морюшко. Безоблачное небо сливалось на горизонте с ним. Проплывал белый парусник и вспоминались строки бессмертного стихотворения Михаила Лермонтова: «Белеет парус одинокой // В тумане моря голубом!...» Море гипнотизировало. Все наши желания, мечты, все тревоги наполняли морскую даль. В этот первый день мы плавали и плавали, и так и не смогли насмотреться на море.

Следующий день порадовал не меньше. Наша дружная семья отправилась в путешествие на красивом корабле – алом катере с настоящим капитаном за штурвалом. Нам всегда хотелось пересечь край моря, и, кажется, желание воплотилось.

Пока плыли, папа, мама и я с интересом обошли новенькое судно: от разрезающего морскую гладь носа до оставляющей пенящийся след кормы. Сидя у бака и у борта, мы удивлялись, как море скользит под кораблем, словно дорога, бегущая под колёсами автомобиля. Стояли на носу, и солёный ветер разбивался о нас, трепал лёгкую одежду и путал волосы. Он пытался оторвать от палубы наши тела, чтобы они вспорхнули птицами и устремились вперёд и только вперёд вместе с кораблём. Получилось! Необыкновенное мгновение! Когда остановились, бросили якорь, высокие чернильные волны – широко распахнутые пасти чудовищ – стали раскачивать корабль. Но им никого не удалось напугать. А спустя несколько минут мы увлеклись появившейся неподалёку стайкой дельфинов! Дельфины, как солнце, рождающиеся на востоке и исчезающее на западе, игриво выпрыгивали, сверкая серебряными спинами, из бескрайнего моря, по дуге пролетали над ним, уходили под воду и снова показывались в непредсказуемом месте. Нашему восторгу не было предела! Мы улыбались и обсуждали каждого дельфина. В открытом море время пролетело незаметно. Распрощавшись с дельфинами, наша семья и отважный капитан – сплочённая команда, окрылённые, отправились в обратный путь, к берегу.

Потом вечером говорили морюшку: «До свидания!» Бросали монеты в воду, загадывали желание одно на всех – обязательно вернуться к нему! А утром уже держали путь на се-

веро-восток и почему-то больше обычного молчали...

Русская Амазонка

Как ладонь исчерчена линиями, так территория России – реками. Есть среди них и Крокодиловая! А пока вы открываете карты и внимательно изучаете их, с удовольствием расскажу несколько интереснейших фактов о ней.

Это было моё первое самостоятельное путешествие. Родители, болея душой, проводили меня в дорогу. Поездка до аэропорта, перелёт и заселение в отель прошли хорошо. Таксисты попались разговорчивые, а соседи среди облаков – молчаливые. Первые дни я как крупная рыба, да и вообще любая рыба, не вылезал из тёплого моря и бродил по приморскому городу, посещая впечатляющие музеи. А ещё ужинал под шум голосов и разносящуюся отовсюду музыку на летних верандах ресторанов, забрызганных искусственным светом.

Однажды, разговорившись с одним услужливым официантом, впервые я узнал, что здешний край скрывает нечто необычное. А именно: в пешей доступности от отеля протекает река Крокодиловая, которую я, бегло просматривая карту, просто не заметил. Правда, официант предупредил:

– Если решите прогуляться по ней, не верьте всему, что услышите. Иначе обязательно подхватите болезнь сказочника. Знаете такую? Заразитесь небылицами, и сами начнёте выдумывать что-то и навязывать другим.

– А она действительно кишит крокодилами? – спросил я.

– Решать вам, – ответил официант и убежал к подковообразной барной стойке за молочным коктейлем для непоседливого ребёнка и двумя мохито для явно уставших родителей, расположившихся за соседним столом.

Меня удивило такое редкое название реки, а ещё я ничего не понял про болезнь сказочника. «Любопытно своими глазами увидеть эту Крокодиловую!»

Следующий день выдался ужасно жарким. Надев короткие шорты и рубашку цвета хаки, я бросил вызов таинственному, а может, даже опасному, как думалось мне.

Спустя какое-то время моя нога ступила на борт речного трамвая, который ежедневно, с раннего утра до позднего вечера бороздит воды, кстати, впадающей в море Крокодиловой реки. Я располагаюсь на деревянной скамейке, покрытой светлым лаком. За кормой река вспенивается винтами, словно стая пираний разрывает в клочья свою добычу. Кажется, что кто-то не сводит с меня глаз. Знаете, бывает такое неприятное чувство. Я не поворачиваюсь. И точно! Проходит несколько секунд, и худой загорелый мужчина, разукрашенный серьгами и татуировками, наклоняется надо мной.

– Рядом с вами свободно? – интересуется он.

– Да, но... – Я не понимаю, зачем сидеть так близко друг к другу, когда трамвай полупустой.

– Не отказывайтесь. Рад представиться: Май. А вас?

– Лев.

– Лев, я родился у Крокодиловой. Вы не пожалеете, – пытается разговориться со мной худощавый мужчина.

Теперь я знаю, кого он мне напомнил: охотника дикого племени, которого лишь краем коснулась цивилизация.

– Ну что ж, весь внимание, – соглашаюсь я.

– Догадываетесь, почему она называется Крокодиловая? – спрашивает теперь мой попутчик.

– Нет.

– Давным-давно к той пристани, откуда мы отчалили, пришвартовался бразильский корабль с десятками белоснежных парусов. Его капитан оказался дружелюбным и весёлым человеком. Он сразу расположил к себе местных. От него население и узнало, что их необычная река – точная копия какой-то далёкой дикой Амазонки, где водятся страшные крокодилы, анаконды, пираньи и другие неисправимые веками хищники.

– Теперь понятно, почему Крокодиловая. – Я значительно киваю, не отрывая глаз от проплывающих пейзажей.

Над тёмно-зелёными водами реки нависают деревья с пышной кроной, в том числе плакучие ивы. Их ветви достают до середины Крокодиловой, а некоторые листья, напоминающие головы змей, стремящихся утолить жажду, даже касаются воды. Падающие тени раскрашивают реку тёмно-синим, серым, а где и чёрным цветом. Проходя под деревьями, ясно представляешь берега Амазонки, покрытые тенистыми влажными джунглями. Кое-где смолистые коряги тор-

чат из воды – высохшие пальцы старух. Среди них уж точно голодные крокодилы, наполовину высунув свои бородавчатые морды из мутной реки, поджидают своих жертв. Берег продолжается небольшими причалами, деревянные опоры которых частично уходят под воду. Местные жители (а может, соплеменники моего попутчика – аборигены?) рыбачат на них, а рядом кошки-компаньонки сидят в ожидании.

– Смекаете, почему они вместе с кошками? – Май обращается ко мне.

– Наверное, чтобы отдавать мягколапым мелкую рыбу...

– Не только. Считается, если кошка обнюхает всю пойманную рыбу, тогда аромат наваристой ухи много раз разнесётся по дому, и все члены семьи, и стар и млад, будут сыты и довольны круглый год... Лев, взгляните: над нами, на ветке, цапля, – продолжает попутчик. – Вам повезло.

– Почему же?

– Увидеть цаплю над Крокодиловой – добрый знак! Так как она либо кормится греющимися на мелководье мальками, либо гуляет по морскому берегу. Крокодиловая – это дорога жизни. Первые пассажиры этого трамвая – деревенские, спешащие по делам, оставляющие причал за причалом. И они подметили: если встретить цаплю, сидящую высоко и романтично всматривающуюся в даль, тогда удача пребудет с тобой на всех дорогах, которые посчастливится пройти за год.

Цапля, приносящая удачу, осталась позади, а нос наше-

го трамвая продолжал прокладывать путь, раздвигая реку цвета поблѣкшего изумруда. Справа по борту выросла серая скала со сколами и уступами, а вдалеке на горизонте – гора, её склоны обросли бесчисленными зелѣными деревьями. Крокодиловая упиралась в неё, словно касалась горбатого уродца Квазимодо, героя бессмертного романа Виктора Гюго. Мой попутчик поведал интересную историю о серой скале.

Один местный житель посвятил себя тому, чтобы смастерить надёжные крылья. Он мечтал пролететь над Крокодиловой, чтобы нравившаяся ему красавица полюбила его за трудолюбие, смелость и успех. И, когда он стоял на серой великанше, эта самая девушка неожиданно схватила его за механическое крыло и попросила сбросить крылья в разверзающуюся у ног пустоту. «Я готова на века соединиться с тобой! Ты уже покори́л моё сердце, доказал, как сильно любишь!» – сказала она. Они жили долго и счастливо. И теперь молодожёны, даже из далѣких деревень и городов, поднимаются по крутой тропе, чтобы, оказавшись у того самого обрыва, произнести клятву любви и не расставаться вечно.

Мы по-прежнему идѣм против течения Крокодиловой. Двум черепахам-пенсионеркам приглянулась одна угловатая коряга. Они вытянули шеи и пытаются насладиться каждым солнечным лучом, каждым дуновением ветра. Я провожаю их глазами, а мой сосед отмечает:

– Значит, завтра погода испортится. Лев, хорошо, что се-

годня решили поближе познакомиться с рекой.

Наш трамвай причаливает к очередной дощатой пристани. От неё несколько потрепанных ступеней ведут к дороге. Тяжёлое дыхание моторов доносится до нас, и шумит стирающаяся о сухой асфальт резина. Эти звуки возвращают меня в реальный мир, но ненадолго. Пустив на борт очередных пассажиров, корабль снова отчаливает. А я живо представляю себя в лодке, вырезанной из ствола какого-то тропического дерева. И что я – черноволосый индеец, а рядом – весёлый соплеменник, лучший напарник по охоте на диких животных джунглей, умело гребёт веслом. Весло, скрываясь в зелёной реке, отталкивается от воды, и наш челнок шустро скользит меж гигантских водяных лилий и двух берегов, заросших пальмами, лианами, папоротниками, орхидеями и другими вечнозелёными растениями.

Когда проплываем под висячим мостом, Май рассказывает очередную историю.

– Этот мост называется «Детский». Лев, видите, сколько лодок, катеров и катамаранов попадаетея нам по пути и какие у них экзотические названия?

– Да, интересные: «Рио», «Амиго», «Уно», «Дон».

– Детям очень нравится этот раскачивающийся мост. Они, указывая пальцами на подходящие к нему суда, перекрикивая друг друга, пытаются угадать их названия. Но им часто не везёт. И поэтому ребята вечно не успевают домой к горячему обеду. Кстати, вот и наши проказники.

В нескольких метрах от трамвая мальчишки, как обезьянки, забираются на дерево (мне мерещится, что на каучуковое) и со смехом прыгают в Крокодиловую. Птичья стая, испугавшись, пересекает реку. Солнце так слепит глаза, что я вижу лишь движущиеся тени. Может, это разноцветные попугаи Амазонки вспорхнули?

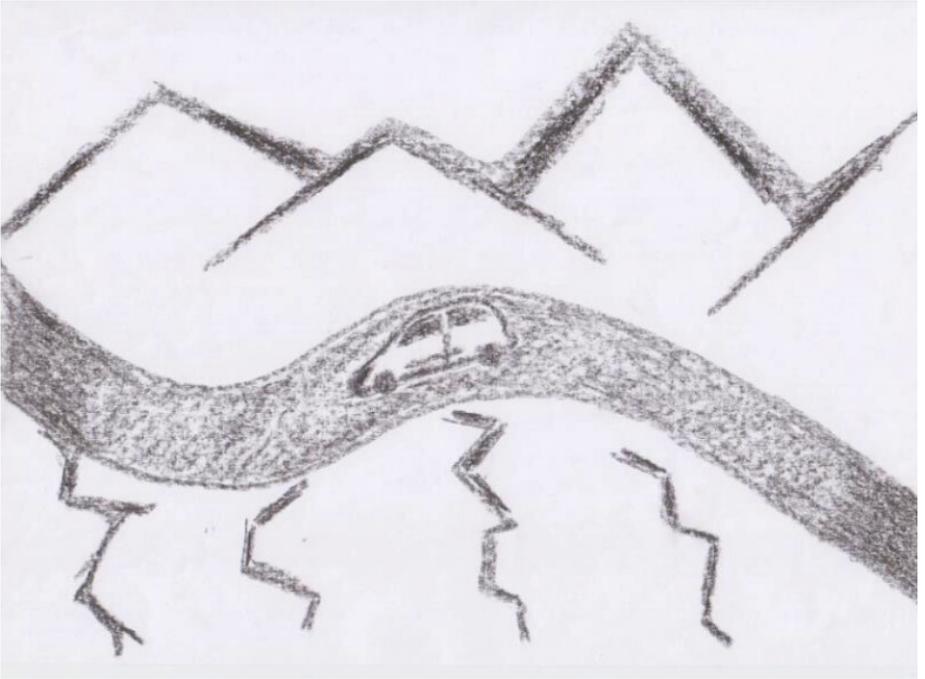
У конечной остановки разрослось необыкновенное дерево, и кот-альбинос с поднятым вверх хвостом-шпагой встречает нас. Корни дерева обнажены, напоминают распущенные девичьи волосы. Мой сосед говорит:

– Этого кота называют учёным, а дерево – дубом. Помните сказку Александра Сергеевича Пушкина? Так вот, «учёный» доплывших до «дуба» посвящает в сказочников!

Мы отправляемся в обратный путь. А через неделю я, переполненный впечатлениями, возвращаюсь в нежные объятия родителей. Устраиваюсь поудобней за своим столом и записываю на бумаге случившееся со мной.

Дорогие друзья, можете ни капли не сомневаться, я точно передал вам всё, услышанное на борту того трамвая и увиденное с его палубы. Уверяю, я не поверил тому пассажиру. Хотя... Я мог подхватить болезнь сказочника, как и предупреждал официант, и рассказать вам совсем другую историю!

Разлом

– Ася, скажи, сколько ещё предлагать, чтобы ты согласилась и поехала с нами?

– Мамочка, папочка, ну, я запланировала прогуляться по магазинам. Но вы не забывайте меня, отправляйте аудиосообщения. Хорошо?

Когда минутная стрелка отсчитала полчаса с момента раз-

луки, пришла первая голосовая весточка от мамы: «Дочка, мы взяли напрокат машину – божью коровку с игрушечными колёсами. Поднимаемся на гору, машинка сопит, но справляется».

От папы: «Твоя мама благодаря интернету уже узнала кое-что о тисо-самшитовой роще. Скоро жди подробностей. Целую».

От мамы: «Доехали. Букашка подняла нас так высоко, что внизу виднеются окружённые зелёными горными хребтами белые дома – крохотная деревушка, наполовину скрытая от глаз кронами деревьев. Горные хребты несут крестообразные электрические столбы, под которые подложена тонкая голубая бумага, точно рисовая. Для занятий японской живописью – то что надо. Дочка, правда красиво?!»

От папы: «Оставили машину, дальше только пешком в гору. Ни за что не догадаешься, кто подкрался к нам. Удивительная статуя кавказского барса, готового к прыжку. У её основания густые пучки травы пробиваются меж вздыбленных плиток, словно люди давно покинули эти места... А вот и ограждение виднеется, и билетная касса».

От мамы: «“Рыжий, рыжий, конопатый”. Нас встречает такой милый котёнок! Ася, тебе будет не лишним узнать то, что нам рассказал молодой человек при покупке билетов. Оказывается, этот заповедник – особо охраняемая территория с начала двадцатого века. Первозданные горные леса и альпийская полоса – это наше богатство!»

От Аси: «Всё прослушала. Брожу по торговому центру».

От папы: «Дочь, ты знаешь, где мы сейчас находимся? Уверен, не представляешь. Склоны тектонического разлома – это заповедник! Земля у нас под ногами, а точнее – известняки, двадцать миллионов лет назад легко разломилась, как хорошо поджаренный тост. А река Хоста расширила и углубила разлом. Скажи, имеется работёнка для воображения».

От мамы: «Над нами властвуют тропические леса. О, тот самый тис-великан! Какой же он гигант... Хвойное дерево. Кстати, может жить четыре тысячи лет. Такое, как если бы ты попыталась нежно обхватить папу, меня и брата. Его ветви купаются в солнечных лужах. Осенними днями он усеян ядовитыми красными ягодами. А частично обросшая мхом кора – большая чешуя. Самшиты же, стройной фигурой напоминающие берёзы, – везде. Как перчатка обтягивает руку, так рваный мох – их. Дочка, я нашла кусочек неодетого ствола: прегладкий! Самшит он тоже вечнозелёный, а листья у него как у брусники: лодочки. Лохмотья того же мха свисают с ветвей – карандашных линий, если смотреть издалека. Ветками и стволами исчерчено лесное пространство вдоль и поперек. А ещё укутанные в тот же зелёный бархат пни и упавшие стволы. Да-а, непроходимые джунгли! Ася, не устала слушать? Тогда продолжу передавать тебе свои впечатления. Не только солнечные зайчики пробиваются через кроны деревьев-реликтов до лесного ковра из папоротников, ползучих трав, отличающихся формой сочных листьев, но и це-

лые солнечные моря легли между стволов. Папа, ознакомившись с информационным плакатом, рассказал, что днями и ночами по горной чаще бродят кабаны, медведи, дикие коты и шакалы. Ах, ужас!»

От папы: «Разлом-то как на ладони. Вверх нас несли колёса букашки, теперь ногами дошли до смотровой площадки. Невероятная глубина! Левый и правый склоны разлома, буйно заросшие, сливаются вниз в долине. Река Хоста, бирюзовая лента, выглядывает из густых зарослей. Разломилась земля дугой, поэтому горизонт – это левый склон. А ещё выше остроконечные горы цвета синей краски, смешанной с жёлтой».

От Аси: «Я поражена! Присмотрела платье. До связи».

От мамы: «Дочка, так чудесно щебечут птахи. Ты бы слышала! Звонко и трелями: пастух извлекает из своей свирели похожие. Ой, кажется, я потеряла из виду нашего папу... Тропа несколько раз изогнулась змеёй, и папы след простыл. Попробую позвать. Невероятно! Эхом разносится папино имя, летит и летит, не затухая. Храмовая акустика. Спешит, наш родной».

От папы: «Ася, твой папа – настоящая ходячая энциклопедия. Например, мне сегодня стало известно, что из тиса, того самого гиганта, египтяне вырезали саркофаги для своих соотечественников, которых ждала загробная жизнь; кое-какие народы его древесиной платили дань; одних он оберегал; другие не поддались бы ни на какие уговоры и никогда бы не

заснули под реликтом, сторонились статного дерева. “Даже тень великана ядовита!” – говаривали они. Самшит же дерево культурное: звуки, издаваемые духовыми музыкальными инструментами из самшита мелодичны, а выполнение объемных гравюр, рисунков на досках из него, издревле – уважаемое ремесло. Похвалишь самого умного папу, дочурка?»

От мамы: «Глыбина слоистого мелового известняка прикрывает меня – да, неплохая крыша. Представь, если бы пошёл дождь, ни одна долгожданная для леса капля не коснулась бы моей широкополой шляпы и папиной банданы. Вышли бы сухими из воды в прямом смысле!»

От мамы: «Буки, буки, буки. Деревья, а не люди, глупенькая! Если серьёзно, люди, дорогая, здесь встречаются очень дружелюбные, улыбчивые и общительные. Энергетика у разлома сильнейшая, а главное – крайне положительная. Всеми клеточками чувствуется, поэтому мне и папе запросто даются нелёгкие подъемы и спуски по природным ступеням. Сидим в беседке, не торопясь рассматриваем буктовую поляну: стволы-тела у них светло-серые с белыми коровьими пятнами. Встану-ка и потрогаю: шёл-ко-вые! А собравшиеся кругом буки интересуются нами. Некоторые даже попадали от удивления. Неужели мы так отличаемся от других любителей лазать по горам? Шучу, на самом деле они спилены для каких-то целей, и мы видим их годовые кольца».

От мамы: «Вот мы и на дне каньона у бирюзовой, идеально прозрачной реки. Много солнечных лучей дотягиваются

до её дна, где каждый серый камешек сглажен текущей водой. Водица студёная, хотя никакой лёд не сковывает Хосту. Она сводит наши босые ноги. Сухие ветви, оторванные от деревьев когда-то прошедшим штормовым ветром, разбросаны по берегу, а жухлые листки – лодками по водной глади».

От папы: «Ася, рыба, рыба! Столько. Молодые форели в мелководной Хосте радуются солнцу. То зависают, пошатываясь, и течение относит их, то плывут куда глядят холодные глаза, изгибаются, поблёскивая серебром».

От мамы: «Застеленные лесом стены известняка слева и справа от реки как небоскрёбы, разделённые дорогой. Немного отдохнули, теперь обратно наверх. Ух, и крутая лестница! Подглядываем через ветви за уменьшающейся и уменьшающейся Хостой. Сейчас она, поделённая каменной косой, несётся и бурлит. А когда две бирюзовые косы сплетаются в одну, опять успокаивается, недвижно течёт, рябь – и та исчезает. Чистота! Посреди реки родинками, друг за другом, вырастают крупные валуны, для рассыпчатой воды они не преграда. А у противоположного берега разлом уронил застывшую белоснежную слезу с человеческий рост!»

От Аси: «Слушала, и сердце замирало. Вспоминала нашу с братом поездку к Медовым водопадам, карачаево-черкесским. Дорогу вверх по кавказскому предгорью; обнимаемый горами город Кисловодск; известняковые холмы, покрытые

только выцветшей травой, – зимние альпийские луга; мирно пасущихся лошадей со стройными ногами; коров, гуляющих где им вздумается; призрачный Эльбрус; две сестры – две туманные вершины на фоне более близких чёрных гор с солнечно-снеговыми пиками; силу камня и воды: почти вертикальный спуск в ущелье, горную реку, водопад и ещё, замёрзшие брызги; морозный воздух, лёгкий, обеднённый кислородом, учащённое дыхание; обед печёными чебуреками с дымящимся горным чаем на фоне глубокого ущелья и самого большого водопада... Что-то я замечталась, папочка и мамочка, пора возвращаться к приглянувшемуся платью».

От мамы: «Скоро маршрут будет пройден нами. Мы это сделали! Всё-таки не один сложный километр. Напоследок осматриваем мрачную пещеру – акулю пасть, её стены кусаются выступами, а камни вросли в пол. Может, она помнит прямоходящих «человеков разумных» или узколобых неандертальцев. Далёкая и близкая Хоста откуда-то снизу подмигивает солнечными бликами».

От папы: «Без сомнений, сильное место – разлом! Отдохнули душой, зарядили тела, повосхищались невиданными раньше субтропиками, дочка. Хочется, очень хочется вернуться сюда».

От Аси: «Платье не подошло. Но не от этого грустно, а от того, что не с вами. Такую красоту мне стоило бы увидеть, ведь я и Медовые водопады часто вспоминаю. Обещайте, вы проведёте меня по тропам этого удивительного разло-

ма, вместе перекусим у Хосты, наберёмся сил физических и особой энергии... А на следующий год – в Чегем! Слышала, там тоже красотища: горы, ущелья и водопады, но другие. Я хочу полюбоваться ими всеми!»

Душевная рыбалка

Хочу сказать: «Мы с папой – не профессиональные рыбаки, но зато наша рыбалка отличается крайней душевностью». Для рыбалки необязательно иметь навороченный спиннинг и всякие приманки и прикормки. Щедрая Земля-матушка может дать многое, а остальное найдётся под рукой.

Пластиковая банка завалилась на балконе? Сгодится для переноски червей – натуральной наживки. Гвоздём сделано решето из крышки – так земляные червяки живыми и здоровыми (что очень важно!) доберутся до крючков. Но где же отыскать их? Да проще пареной репы. За нашим гаражом место безлюдное, отличная земля и лопата тут как тут. Сейчас разгар лета, и она переводит дух после зимних дней, когда ей приходилось разбрасывать снег перед воротами. Да что я о зиме? Лето цветёт и поёт! Где ни копни за гаражами – червяков хоть отбавляй. И все упитанные, видно, толстели половину ливневого и тёплого лета, не подозревая о нашей первой рыбалке. И не забыть насыпать немного землицы в банку – это комфортная среда обитания, и, если бы червяки умели думать, точно не смекнули бы о предстоящей им роли.

– Лев, не пропало желание сделать удочки? – спрашивает папа.

– Жду не дождусь! – отвечаю я.

Поэтому, подъезжая к даче, тормозим у леса, который летом принадлежит перелётным птахам, комарам, лесным муравьям и другой живности, милой и не очень. Я, внимательно осмотрев зелёное деревце, срезаю две гибкие ветки, но не спешу покидать солнечный лес: обстригиваю их перочинным ножом – это наши удилица.

Катушка лески находится в дачном потёртом комоде. Недолго хлопочу над поплавками и грузилом. Коктейльные трубочки обжигаются над пламенем зажигалки и сжимаются – теперь они запаяны с двух сторон. После немного обрезаю концы и прокалываю иглой отверстия для лески. Никуда без водостойкого маркера и колец из проволоки. А обыкновенные шайбы – это элементарные грузила.

И вот удочки сделаны своими руками, простые, но для душевной рыбной ловли – самое то. А она состоится завтра!

С утра пораньше заправляемся яичницей, берём заготовленные вещи и выдвигаемся к пруду. Золотой край проснувшегося солнца хихикает над крышами; птицы-солисты и птичьи ансамбли расппеваются; семицветики, потягиваясь, распускаются.

Опускаемся на перевёрнутые жестяные ведра, достаём пляшущих червяков и закидываем удочки. «Блюх! Блюх!» Крючки с червяками-живчиками и грузила тонут в тихой воде, а поплавки поднимаются над ребристой гладью как носы двух зазнавшихся Буратино.

– Лев, молчим... Теперь главное – не спугнуть... – шепчет

папа.

Моё воображение красочно рисует тьму рыбёшек, которые, толкаясь плавниками и хвостами, наперегонки плывут к нашим наживкам. А наяву клёва нету, лишь ветер медленно, но верно сносит поплавки. Проходит время. Нет клёва – и всё тут! Ну и не надо: достаём жаренные мамой семки и начинаем, не торопясь, лузгать их, а папа шёпотом рассказывает невероятные истории.

– Сынок, я где-то слышал, как один яхтсмен отправился в кругосветку и, попав в абсолютно штилевые Конские широты Атлантического океана, от нечего делать решил порыбачить. Ты ни за что не догадаешься, какую запись сделал он в своём судовом журнале, кстати, последнюю: «О! Горе мне! Я пощекотал самого Кракена-монстра!» Да, да...

По-прежнему тишина, точно воцарившаяся тогда в Конских широтах. Мы перезакидываем удочки и продолжаем поедать семечки одну за одной.

– А другой «удачливый» рыболлов, – продолжает папа, – в Шотландии, стране питерских дождей, бархатистых холмов и средневековых замков, поймал лох-несское чудище на живца. И никакого фотоснимка, досадно, правда? Единственное доказательство – это возвращение к жене в отель без любимого спиннинга. «Представляешь, это динозавр проглотил его и мог меня, но я вовремя дал дёру», – слова рыбака. Во как, сын!

Я слушаю, разинув рот и с широко раскрытыми глазами.

А вокруг поплавок – ни пузыря, ни круга. Ну, раз так – пора устраивать чаепитие, ведь семечки подъедены. Разливаем заварившийся чай по термосным крышкам и, обжигая языки, не спешим.

– Двое отдыхающих, – сегодня папа щедр на истории, – рыбачили с катера в Чёрном море, когда сладкая девичья песня, доносившаяся откуда-то, привлекла их. Ну и они незаметно уснули, а протерев глаза, распознали турецкий говор. Потом посол России в Турции разъяснил бедолагам: «Таким образом сирены часто подшучивают над ничего не знающими о них рыбаками».

Началось...

– Папа! Папа! Смотри! – вскрикиваю я.

Папин поплавок неожиданно исчез под водой, а за ним – и мой. Удилища, треща, изогнулись. Леска зазвенела будто струна.

– Подсекай, Лев! Вытягивай, что есть мочи! – теперь кричит папа.

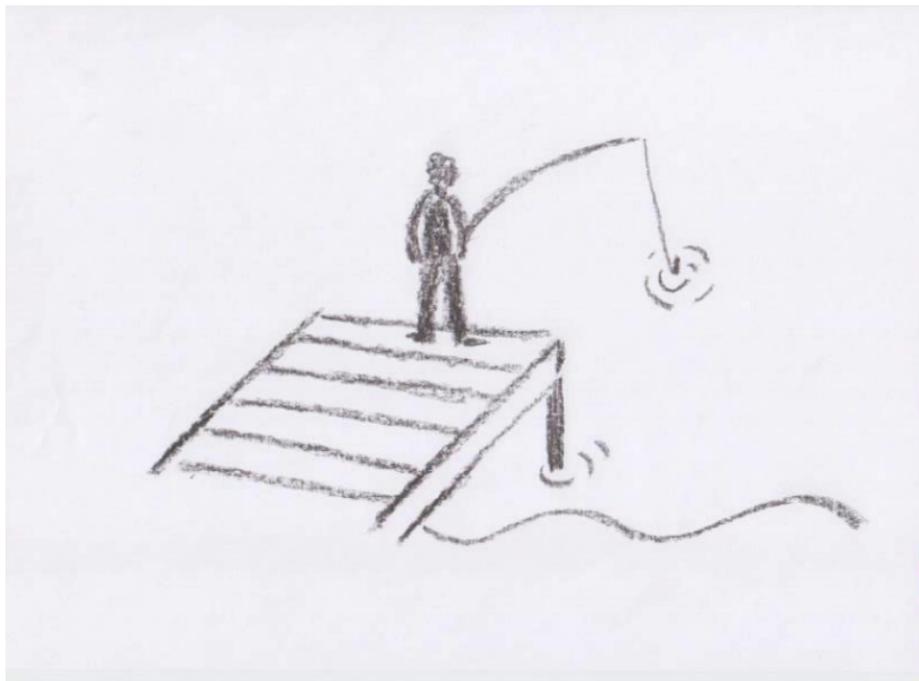
Две крупные рыбины, заглотившие наживку, неистовствуют в воде, извиваются, выпрыгивают, бьют хвостами, кидаются из стороны в сторону. Но сражаться целую вечность, до водяных мозолей на руках, не пришлось: быстро одерживаем верх над недовольными рыбёхами.

Мама, пришедшая с приятной новостью (приехали её родная сестра и мой дядя), видя папу и меня с карасями с ладонь, разведя руками, выговаривает лишь пару слов: «Ой!

Ничего себе». Да, вот это улов! А кошка, не веря глазам своим, долго обнюхивала немалых карасей, а затем сполна насладилась ими...

– Отлично порыбачили, Лев. Предлагаю опять поохотиться, пора вытаскивать на свет Божий следующих жителей водяного царства, – одним ранним утром говорит папа и вкладывает в мою руку отличившуюся разок самодельную удочку.

Рядом судоходная река

Сейчас мои родители ведут размеренный образ жизни, к сожалению, возраст берёт своё. Папа и мама со мной подростком путешествовали по всей России. Мы посетили много городов необъятной Родины, но наши сердца сильнее забили лишь в одном городе: южном и казачьем Ростове-на-Дону. В череду рабочих дней я нашёл четыре свободных дня

и вылетел в этот самый город: мне захотелось привезти свежие снимки любимого Дона и так или иначе ведущих к нему уютных улиц своим старикам и посетить места, отпечатавшиеся тогда в юношеской памяти.

В самолёте я почитал историю ожидающей меня гостеприимной земли. Когда-то по ней кочевали скифы – предки всех русских людей. Видя широкие неспешные воды, поражаясь такой красотой, они, наверняка с трепетом, говорили: «Дон». Дон на их языке означало «река», но без трепета у них бы не получилось, как и не получается у нас, при виде её, выговорить это слово. А дальше... Елизавета Петровна, императрица, в середине восемнадцатого века, в холодном декабре месяце по просьбе казаков своим указом основала на Дону таможню. Чтобы турецкий и греческий товар прошёл через руки хватких казаков (людей свободных, воинов, готовых головы сложить за империю) и достиг северных русских городов. Ростов-на-Дону быстро рос и крепчал. Читал бы и читал, настолько мне интересна история нашего государства, но тень самолёта уже скользит по степным просторам за иллюминатором.

После заселения в номер ростовского отеля с рестораном на первом этаже, где подают лучшую в городе уху, вечером под падающим солнцем, словно под клонящимся к горячей земле жёлтым подсолнухом, первым делом я прогулялся по набережной вдоль Дона-батюшки. Да-а-а, ши-и-рок! Могуч и статен! Притягивает взгляд! Дарит тихую радость. Совсем

не изменился.

Ну, как тут не разговориться с рыбаками?

– Рыба есть?

– А то!

– Покажете?

– Что скрывать, смотри.

– Жерех и окунь, неплохой улов!

– У меня? Вот у него!

– Иди сюда. Узнаёшь?

– Как же сома не узнать?!

– Потихоньку клюёт.

– Хорошего вечера, а завтра – ещё рыбы.

– Тебе тоже удачи.

На том и разошлись. Даже спустя века щедр Дон, а сам ничего не требует от человека.

– А где памятник Шолохову? – спрашиваю у пожилой высохшей ростовчанки в широкополой шляпе в сине-белую полосу.

– Михаил Александрович? Никуда не денется. Смотря на свой Дон, размышляет об очередном грандиозном романе про донцов. Чуть не дошли, молодой человек, – доброжелательно отвечает бабушка.

Подходя к монументу, укоряю себя, что до сих пор не нашёл времени на любимый папин роман-эпопею «Тихий Дон». Сейчас, дотронувшись до Шолохова в металле, мысленно дал обещание гениальному писателю и отцу выкроить

часок и прочитать уникальную по языку, колоритную книгу про главное: любовь и нелюбовь.

На многолюдной набережной раздетая малышня бегала по бьющим из-под земли струям фонтана. Звонок от родителей отвлек меня от философских мыслей.

– Привет, Лев.

– Привет, мам.

– Ты где сейчас? На набережной?

– Ага.

– Лев, изменился Ростов-на-Дону?

– И нет, и да.

– Но всё такой же замечательный, мы с папой уверены!

– Невероятный, мам! Я затронул улицы правого берега. Деревянные домишки так же прячутся среди многоэтажек или между обветшалых домов поменьше. А ещё в моих планах – увидеть златоглавые храмы. Всё вместе – воплощение духа казачьего и портового города в камне и дереве.

– Поколения меняются, Лев, а город нерушим. – Мама меня понимает.

Я поболтал с отцом и, счастливый, отправился ужинать, пробовать шедевральную уху в ресторан при отеле.

А утром спустился к донской воде: захотелось позавтракать в плавучем кафе. Заказал любимый мамин чай (душист шалфей!) и смотрел на проплывающие под нежным солнцем сухогрузы-гиганты, на открытые экскурсионные, застеклённые прогулочные и круизные речные суда, на толкачи-бук-

сиры, на частные белые катера и дорогие яхты, на корабли полиции. «Дон, ты настоящий кормилец и труженик», – думал я, наслаждаясь батюшкой Доном и запахом воды, а волны тихо и тревожно разбивались у моих ног.

После стираю подошвы кроссовок о ростовские тротуары.

На третий день куплен билет до Старочеркасской станции. Прогулочный теплоход отчаливает. Попутчики-ростовчане за столиком – люди начитанные, нескучные. У них и истории про бурлаков: крестьян, которые тянули суда за бечеву, крепкую верёвку, против тихого течения Дона, и это было легче, чем бороться со стремительной Волгой; и про коноводные суда: прирученные лошади, копытами поднимающие пыль над берегами Дона, двигали покорителей рек своей немалой силой; и про паровой транспорт, дымящий, как сухой лист в огне.

Иссушенная земля. Но плодовые деревья благоухают в Свято-Донском мужском монастыре. Здесь под горячим солнцем прошу благословения у отца Модеста, стоя возле его могилы. Он так сострадал незнакомым людям, что горькие слёзы лились из его светлых очей. А я попросил, чтобы у моих родителей и хороших людей было много здоровья.

Местный пляж многолюден. Напоследок искупался в тёплом Дону, будто второй раз крестился...

Вечером же следующего дня уже был у родителей, в нашем городе, показывал им снимки.

– Лев, удачные фотографии, практически все, Ростов-на-

Дону очень фотогеничен!

Растроганные воспоминаниями родители не отпустили меня, и я заночевал у них, а рано утром помчался по делам. Перед сном я созваниваюсь со своими стариками, мы часто вспоминаем Ростов-на-Дону и батюшку Дон и планируем, вопреки годам и занятости, вместе повосхищаться ими...

Отдых среди берёз

Машина, раскачиваясь, разрезает лес, и зажигаются красные стоп-сигналы. Длинные рюкзаки отправляются на спины. Каждый шаг тяжёл, а мошкаре и комарам, таким «мессершмиттам», легко кружить вокруг нас и нападать. Везде берёзы, и птицы судачат о чём-то своём. Неплохая солнечная поляна рядом с круглым озером да песчаный спуск к воде – красота!

– Лев, чего ещё желать! – восторгается мама.

Нами разложена палатка, растянута во все стороны, похожа на планетарную станцию – надёжная защита и от стоящего зноя, и от слишком участливых насекомых, а также дождя, являющегося без спроса.

Чтение любимых книжек и лесной воздух делают своё дело: усталость как рукой сняло!

И вот поставлен мангал, покрытый сажей будто труба, нечищенная трубочистом. Угли раскалены. А котелок подвешен на шампуре, в нём кипятится и заваривается настоящий зелёный чай из листьев брусники, ежевики и черники – всё из щедрого леса. Чуть спустя шашлык пускает сок. Непередаваемый аромат! Дымок стоит от этого, точно двигатель вскипел. Аппетит-то разыгрался, самое время – за скатерть-самобранку.

– Ум-м-м... Вкуснятина!

Укулеле не смолкает, аккорды догоняют друг друга. Бардовские песни душевно звучат нашими голосами: хриплым папиным, льющимся маминым и звонким моим. Незабываемо!

– Кто купаться? – зовёт папа.

Озёрная водица тепла, прекрасно плывётся, но случайный дождь выгоняет на сушу.

В палатке очень уютно: внизу – живая земля, внутри сухо, сверху мелодично постукивает дождь. Электрический фонарь вместо люстры, спальные мешки вместо домашних одеял. Музыка, книги, дневник – всё под рукой. Романтика!

То ли мы не замечаем часов, то ли время прячется далеко в берёзовой роще. Дождь иссяк. Вечереет. Страницы удовлетворённо заложены. Палатка печально опускает свои плоскости – дом разрушен. Складные вещи сжимаются словно от обиды. Багажник проглатывает мокрое и сухое. От света фар разбегаются крупы темноты.

– Лев, это была твоя идея посетить лес!

Родители довольны, и я тоже.

Иметь возможность отдохнуть среди дикой природы, почувствовать её, подзарядиться от неё – большое счастье, и сейчас мы очень именно счастливы!

Моя семья

Мама

Маме готовить меня к появлению на свет было нелегко, будто крохотного космонавта к полёту по Вселенной. Она делалась силами, уставала больше обычного, порой теряла душевное равновесие, а её красота с каждым днем становилась всё загадочней.

Когда впервые я увидел этот яркий мир, маму переполняло счастье. Я сразу стал самым любимым человечком на Земле. Она ни на шаг не отходила от меня, говорила: «Павлуша – мой ненаглядный малыш». Малыш же постоянно плакал, хотел есть (или не хотел), мало спал. Маме удавалось прикорнуть, и ни минуты не оставалось на себя. Я часто недомогал, тогда она не находила себе места до тех пор, пока болельница не исходила из моего беззащитного тельца. Мамочка души не чаяла во мне: любовалась, смеялась, убаюкивала.

Я продолжил познавать мир в садике благодаря маме, сменившей работу, способную дать много, на работу рядом с домом. «Главное – Павлуша под боком», – повторяла она. Моя труженица вежливо отпрашивалась у директора и брала нежелательные для других сотрудников больничные, чтобы отвести меня к врачу или не смыкать глаз, склонившись надо

мной, температурающим. Перед сном читала умные сказки, умело пародируя сказочных героев. А по выходным дарила много радости: мы посещали детские выставки и кафешки со вкусным детским меню.

Когда я пошёл в школу, мамуля, отработавшая целый день на ногах, гоня прочь усталость, помогала решать домашние задания и водила на кружки. Неслась сломя голову, если ночью я просыпался от тревожного сна. На юге, сойдя с трапа самолета, её путешественник частенько заболел, и мамин отпуск оборачивался сущим кошмаром. Но мама, суперженщина, за пару дней, проведённых у моря, успевала набраться сил и одолевала следующий год.

Мамуля работала не покладая рук для того, чтобы в старших классах не приставки-игрушки появлялись у меня, а мощные персональные компьютеры. Друзья завидовали белой завистью, а я не придавал этому значения. Потом платные репетиторы вошли в наши жизни. Итог многочасовых штурмов интеллектуальных высот – поступление в специализированную школу, обучение в которой тоже не было безвозмездным. Я же, устраивая крикливые скандалы на ровном месте, не произнося ни слова вечерами, «хорошо благодарил» маму. Мамуля всё прощала и молилась за неразумного, небережливого Павла.

В университете, с головой окунувшись в студенческую жизнь, я вовсе забыл про её существование. Уходил ни свет ни заря, приходил под утро, а выходные бестолково пропа-

дал вместе с однокурсниками в ночных клуббах. Мама от меня, сыночка, слышала только два слова: «пока» и «привет». Но всегда невесть кто готовил вкусные завтраки и ужины и оставлял деньги, что совсем удивительно.

Я стал уважаемым человеком. В этом мамина заслуга, ведь она наставляла глупого потерянного подростка и без устали боролась за него. А после женитьбы всё изменилось в худшую сторону. Я сжёг последний мост, обрубил оставшиеся нити, связывающие нас. Перестал общаться. Много лет мама даже мельком не видела меня, не слышала голос «ненаглядного малыша», не могла дожждаться строчки. Самый близкий человек, Павлуша, бросил погибать подругу детства своего – маму.

Перелом произошёл в одно мгновение. Я увидел женщину, чертами лица напоминавшую маму, и молодого человека, кричавшего, не желавшего её видеть до конца дней. А у женщины – полные сумки в руках и одета по-простому. Стало очень её жалко. А затем что-то кольнуло в сердце. И мне так захотелось увидеть маму и попросить у неё прощения. Я совершил преступление!

Наша встреча состоялась спустя десятки лет. Мамуля не упрекнула блудного сына, целовала, плакала. Гостеприимно усадила мою семью за богатый стол, была весела, разговорчива, будто прошли мимо обидные слова, горести, годы молчания и одиночества, болезни. Глаза наполнились слезами: я окончательно прозрел, понял, кто такая мама! Долго не

отпускал хрупкую мамочку из объятий, пообещал искупить свой грех, наконец стать сыном, никогда не оставить.

Теперь я окружаю маму заботой, не отказываю ни в чём, преподношу цветы, и мы вместе часто проводим выходные. Внуки тоже оберегают бабушку. И так будет всегда, потому что мама – это человек, который подарил жизнь, любит тебя больше жизни, вырастил, поставил на ноги, отдал тебе лучшие десятилетия своей жизни. Я излечил свою сердечную болезнь. Сердце снова наполнилось любовью. Тяжёлый камень упал с души. Я никогда не брошу свою маму. Я понял: правда – в любви, а в разлуке её нету!

Папа

За верандным столом – мы с папой, сидим друг напротив друга, точно шахматисты за клетчатой доской. Только не просчитываем ходы, а думаем совсем о другом: какую садовую скамейку смастерить. Перед каждым – по листу бумаги цвета проплывающих над дачным участком облаков. Карандаши остро наточены, да, могут посоперничать с зубочисткой, лежащей на папиной стороне. Металлические линейки ждут не дождутся своего часа. И мы приступаем к творчеству!

Как я ни старался, но у меня начертилась обыкновенная лавчушка, деревенская, бабушкина. У папы же – такая необычная, красивая и удобная: с узорными спинкой и сиденьем, подножкой для ног, обтекаемыми подлокотниками и подголовниками разной высоты. Увидев папин вариант, я аж подпрыгнул от удивления. Он по-гроссмейстерски одержал победу.

Далее папа расхаживает с рулеткой, сдвигает стулья, просит маму и меня присесть, не шевелиться.

– Лев, непоседа, представь, что наблюдаешь вон за той птицей, – видно, мастер взялся за дело. – А теперь приподнимите ноги.

Мы отрываем их, воображая, что человек-невидимка может под нами пол. Всё для того, чтобы закупить материал в

необходимом количестве.

– Каркас «чудо-скамейки» – Лев, ведь ты её так назвал! – металлический, а остальное – из древесины. – Папа продолжает размышлять.

Вскоре ворота строительной базы распахиваются перед нашим автомобилем. Вот я несу нелёгкую банку бесцветного лака и пакет: с саморезами необходимой длины (миниатюрными ледобурами); широкой малярной кистью, волосяной (а будто из иголок дикобраза); тканевыми строительными перчатками (как ни надень – не сгодятся для культурного отдыха); шлифовальной шкуркой (прямо асфальтированная дорога, об неё легко раздерёшь пальцы); сварочными электродами и диском (не Блю-рей) по металлу для болгарки, или, по-научному, угловой шлифовальной машины.

Папа ловко размещает на рейлингах над крышей автомобиля: строганую доску хвойных пород (когда-то такие доски, неудавшиеся Буратино, были бревном); профильную трубу, точнее трубочку, квадратного сечения (при желании в неё, металлическую, можно подуть, а сыграть мелодию вряд ли получится); строганый сухой брус из сосны, вытянутый и квадратный (такой, как если бы у папы Карло опять ничего не вышло); стальной прут, внешне напоминающий предлинную жевательную конфету. Привязываем вместе: я, словно юнга, поднимающий парус, тяну за один конец верёвки, а папа другим концом обматывает строительный материал, который доставляем на свой участок.

Следующий день выдался дождливым: то вода лилась как из ведра, то редкие капли падали. Нам не терпелось приступить к работе, но своенравному дождю не прикажешь.

Открыли глаза, когда соседский петух покрикивал: «Ку-ка-ре-ку!» Слышался разноголосый, поразительно спетый, птичий хор, что говорило о солнечной погоде. Мы, потирая руки, берёмся за работу. Наконец-то!

Диск болгарки, крутясь будто колесо гоночного болида, с оглушительным звуком разрезает профиль и прут под напеваемую папой песню: «Нам песня строить и жить помогает!» А затем мастер, облачившись в костюм сварщика (астронавта), прибегнув к моей помощи (подмастерья), умело собирает каркас (стройный скелет чудо-скамейки). При этом я менял электроды и придерживал элементы свариваемой конструкции. Если же проявлял любопытство – мелкие салюты ослепляли.

А потом пошла не менее приятная работа с живым деревом на столярном верстаке, специальном столе, созданном папой для превращения неказистых деревяшек в произведения искусства. Для меня это самая приятная часть работы, так как запах обрабатываемой древесины вкусен, если можно так описать его.

– Пили всем полотном, Лев, и с рывком на выходе, – обучает меня мастер.

Если перерыв, то не без пользы: мой лучший учитель рассказывает про наших «отцов», как они возводили из стой-

кого дерева сторожевые башни, оборонительные стены, русские избы, ещё вырезали из него, податливого, посуду, украшения и многое другое, а я слушаю и замечаю: какие же у отца мозолистые руки – настоящего работяги.

– Когда подрастёшь, Лев, вместе построим гостевой дом, – делится он планами.

– Я только «за»! – Мне очень бы хотелось.

Далее доводим до ума всю распиленную древесину. Благодаря папе, моей филигранной работе под его руководством и, конечно, наличию ещё инструментов: электролобзика, электрорубанка и ленточной шлифовальной машины – папиными верными друзьями (а теперь и моими), появляются узорные края: спинка – восходящее солнце с лучами, сиденье – набегающие на берег волны. А подлокотники, подголовники и подножка теперь идеально закруглены. Да-да, я сам проверил, что электролобзик незаменим для выпиливания кривых, что элетрорубанок, второй помощник, без сомнения рождён для шустрого строгания острых углов, а ленточная шлифовальная машина – для безупречного округления. Каждая дощечка отшлифована той же самой шлифмашиной и отполирована мной вручную. Уверен, ни одну занозу не подцепишь!

Включив дрель-шуруповёрт в режим закручивания, сменив один раз сверло по дереву на сверло по металлу, смахивая скапливающуюся вокруг отверстий благородную древесную пыль и кудрявую металлическую стружку, подготов-

ливаем деревянные части чудо-скамейки и металлический каркас для соединения друг с другом саморезами. Через несколько минут готово! Подголовники, кстати, надеваются на прутки аналогично автомобильным. Не сложнее, чем собрать конструктор, правда?

Оказывается, что переливать лак, как и любую краску, и правильно мазать кистью – это целая наука.

– Сын, опрокидывай банку резко, но аккуратно. Понял? Молодец, получилось! Дальше пропитывай лаком кисть, отжимай её о край корытца, но смотри, не перестарайся. И широкими движениями втирай его в дерево. Слышишь, Лев? Оно благодарит, с удовольствием впитывает, будто знает, что он – надёжная защита от дождей и зноя, – наставляет папа.

Итак, садовая скамейка повторно покрыта лаком, не скрывающим природного цвета древесного волокна. Красота!

Наступает четвёртый день отпуска и каникул, пришло время присесть на чудо-скамейку, сделанную своими руками. Не достаёт синей ткани, чтобы медленно стянуть её с памятника «Смекалке и умелым рукам».

Маме очень нравится, особенно подножка, узорные края и подголовник. Мы, переполненные гордостью, опускаемся справа и слева от мамы.

– Ве-е-щь! – Я вмещаю в одно слово свой восторг.

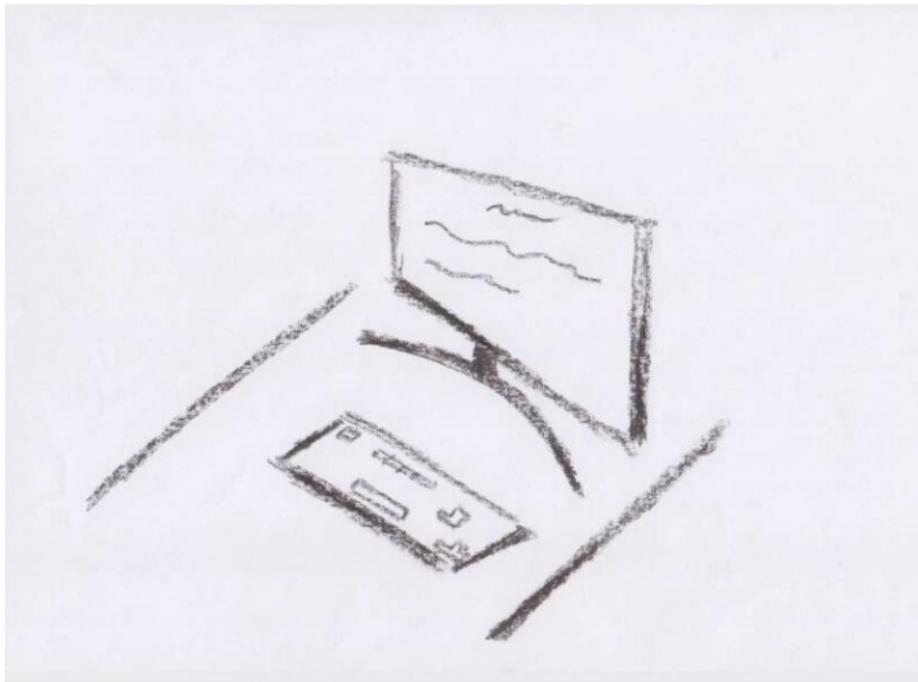
– Она нам сразу полюбилась, – утверждает папа, и мы с мамой киваем.

А спустя час я уже сладко сплю на ней, подогнув колени,

солнце – моё одеяло...

Мой папа – настоящий мастер, рукастый! Он, предвкушая удовольствие, берётся за всё, у него получается с первого раза и идеально. Его вещи имеют душу, хранят тепло рук. Я запоминаю всё, чему он учит, перенимаю опыт. Папа – лучший учитель и друг! Я люблю трудиться с ним. Мы сделаем ещё и ещё, наши дома и вещи будут радовать нас долгие годы. Я люблю его, а он меня, своего сына, и вовсе не потому, что он – гениальный строитель, а я – способный ученик, а потому что мы – семья!

Письмо старшему брату

Дорогой Лев, поздравляю, сегодня – твой день! Очень жаль, что волею судеб ты находишься в другой стране и не многокрылые снежинки кружатся за твоим окном, а пальмы тянутся к голубым небесам, своими стволами похожие на кожуру ананаса. Ты сам не раз говорил: «У меня разрывается сердце при мысли о том, что в свой день рождения я

не увижу необъяснимо любимых родителей и тебя, Павел». Пишу электронное письмо, потому что в этот праздничный день хочу повспоминать о нас, неразделимых. Конечно, сегодня не раз созвонимся и пообщаемся по видеосвязи. Но вначале лови письмо настоящей дружбы, братской.

Лев, помнишь, после уроков, во дворе, малышня собиралась вокруг тебя. Мы били по футбольному мячу носами потрепанных кроссовок, и он влетал в ворота без сетки, отскакивал от стен, шустро убегал и приходилось догонять беглеца без рук и ног; устраивали гонки на велосипедах по кварталу, проносились по лужам после тёплого дождя, поднимали пыль с тротуаров, возились с колёсами (это ты научил меня менять прохудившиеся камеры и пропускающие воздух ниппели); разбивали скейтборды, заскакивая на поребрики и ступени.

Вечерами, когда солнечные лучи тянулись к горизонту, я постигал азы математики, решая твои задачи. Ты объяснял мне и законы Ньютона. Например, закон инерции так: бросал, как шар для боулинга, домашнее яблоко с червоточинной, и оно само, никем не подталкиваемое, катилось по дощатому полу веранды дачного дома.

В подробностях рассказывал о битве за Ленинград: «Двадцать три тысячи четыреста один человек погиб в лужском “котле”! Брат, это не просто цифры, а люди, спасшие нас ценой собственных драгоценных жизней! Мы в вечном долгу перед ними». А я представлял, как они, бесстрашные

герои, в гимнастёрках, испачканных землёй и кровью, с криком: «Ура! За Родину!» – идут в проверенную столетиями штыковую атаку на дрогнувшего фашиста, но не вырываются из преисподней, кольца окружения.

Бывало, я стирал до дыр кнопки геймпада, не мог пройти сложный уровень компьютерной игры. А ты уставал смотреть, как я пытаюсь победить искусственный интеллект, садился на моё место и через несколько минут примерял лавровый венок.

Ты научил меня разбираться в компьютерном «железе», операционных системах и азах программирования. Мы собирали компьютеры с закрытыми глазами, как конструкторы. А если на рынке появлялись более совершенные комплектующие, мчались туда, где их продают дешевле всего, и нас, подростков, ничуть не пугали неизмеримые глазами расстояния между районами мегаполиса из незнакомых многоэтажек. Мы часами, без бутербродов и без глотка чая, заходили в магазинах электроники, открытых студиях, изучали сверкающие новинки от и до. Под твоим руководством я нарисовал улыбающуюся рожицу на экране моноблока с помощью одной клавиатуры, то есть сотворил её, не дотронувшись до экрана, способного чувствовать наши дружеские прикосновения, изобразил, не взявшись за двухкнопочную мышь, посеявшую хвост. Чудеса! А так же создал свой первый не публичный сайт, рассказывающий о развитии самой мощной компании Рунета.

Брат, ты привил мне любовь к чтению, познакомил с величайшими писателями и их шедеврами. Они жили в своих книгах. Передавали опыт, мысли и чувства, а я впитывал как губка. Я уединялся с книгой на кухне и проваливался в книгу. Мои уши глохли, а глаза, казалось, не видели букв, потому что работало воображение. Я поднимал восстание с гладиатором Спартакoм, я был пятым мушкетёром, я жил в индейском племени и научился неслышно ступать по лесному ковру, охотиться на бизонов и не доверять ковбоям. Читая книги захлеб, я менял эпохи, страны и жизни! За это отдельное спасибо, старший брат.

Лев, по выходным ты рано будил меня, чтобы я умылся, позавтракал и ещё успел поудобней устроиться перед телевизором до начала познавательных телепередач, которые шли друг за другом этаким составом. И я путешествовал по Кубе, Аргентине, Мексике, общался с незнакомыми, но обаятельными людьми, а ещё дивные животные, морские глубины и нетронутые леса поражали меня. Казалось, ты давно знал про всё это, потому что в разговорах часто блистал своей эрудицией. «Срежь поверхностный слой лавы, разлившейся год назад, и окажется, что её нижний слой – отличная конфорка, можно сварить ароматный кофе и супчик с морепродуктами». «Четыре тысячи лет – это “золотой” возраст африканских баобабов, и они помнили бы самого Христа, если бы Мессия прошел рядом». Ты и сейчас эрудит, каких поискать!

Когда я хотел посмотреть какой-нибудь игровой фильм, ты отсеивал тупые картины, и я восхищался советской и зарубежной классикой, героями со стержнем, атмосферностью. Ты научил меня слышать, разбираться в музыке: мой смартфон наполнился треками, которые сотрясли прошлые десятилетия, как мощные землетрясения будоражат материки, а их исполнители – это нестареющие легенды. Мы и сейчас постоянно обмениваемся фильмами, музыкой, книгами, друг другу пополняем библиотеки.

Я люблю вспоминать наши прогулки по родному городу. Грациозные памятники, подпирающие небо соборы, богатые дворцы, дома великих писателей говорили со мной твоими устами, ведали про архитекторов-зодчих, венценосных особ, про хозяев с гусиным пером и чернильницей. После твоих уроков я часами бродил по вместившемуся в сердце городу, и счастье переполняло меня.

Я видел тебя, увлечённого учёбой. Слушал, как с жаром рассказываешь о том, что узнал, как преклоняешься перед преподавателями, как общаешься со своими друзьями-интеллектуалами на научном языке и на иностранном. Поэтому выбрал твой университет, пошёл по твоим стопам. И не жалею об этом, говорю: «Спасибо, Лев!» Ты указал мне верный путь, направил туда, где я смог состояться. Моя любимая работа кормит меня и мою семью, даёт нам свободу, и мы не страшимся будущего.

Я женился первым, и ты находил время для моих де-

тей, дарил им волшебные выходные: они бороздили просторы Вселенной в планетарии, подружились со зверятами из всех уголков планеты в зоопарке, перешагнули границу настоящего, и прошлое окружало их в музеях, а ты дополнял экскурсоводов, рассказывал про всё, как и мне когда-то.

А какую ты нашёл жену! Она как моя старшая сестра, а для наших родителей как еще одна долгожданная дочка.

Брат, ты – пример для подражания. Знаешь, как ребёнок должен относиться к своим старикам. Вникаешь в пустяковые проблемы родителей, одариваешь маму и отца подарками, находишь лучших врачей, и сейчас поднимаешь связи и находишь, даришь незабываемые путешествия. Ты – солнце! Вокруг тебя вращаются планеты: мама, папа, сестра, я, наши жёны и дети. Ты любишь вспоминать, как до отъезда собирал всех родных на родительской даче. Ты объединяешь и оберегаешь всю семью как крёстный отец.

Спасибо, братан, за то, что ты есть у меня. Следующий год станет годом воссоединения, и будет крепкое рукопожатие. А пока судьба разделяет нас, я, конечно, не раз выйду на связь, и ты засыплешь звонками и сообщениями...

Прочитай ещё раз в восемь вечера, когда ты появился на планете Земля. Да-да, я помню. Лев, жди отдельных поздравлений от родителей. Пока всё, пока!

Победителям

– Мам, пап, мы написали письмо ветеранам.

– Дети, прочитаете?

– Конечно.

«У вас была жизнь до войны. И она осталась. Никакой враг не смог забрать у вас ту жизнь, довоенную. Вы сражались за неё и победили.

Первая любовь не сводила глаз. Тихо плакала жена. Дети верили, что папа вернётся уже завтра. Сестра в летнем платье обнимала. Братик, поправляя кепку, ждал руку. Сердца родителей разрывались. Друзья шли рядом.

Вы с волнением покидали родные города, деревни, хутора, аулы, где сердце помнило каждый дом. Раскачивались мохнатые ели, тонкие берёзы, цветущие липы, клонились стебли полыни и ковыля, словно трепещущие платки на перроне разлук.

Сколько дорог – заснеженных, разбитых дождями, иссушенных солнцем, невидимых небесных, пенящихся морских – прошли вы?

В гимнастёрках, пропитанных потом, полушубках, спасающих от лютых морозов, тельняшках, продуваемых солёными ветрами, лёгких куртках, сшитых только для полётов.

Сражались и погибали – геройски. Под градом пуль и сна-

рядов первыми поднимались в атаку. С адовыми гранатами бросались под многотонные танки. Грудью закрывали kloкочущий вражеский пулемёт. Вместе с подбитыми кораблями ложились на дно. Применяли против неприятеля ужа-сающий воздушный таран. Не щадили врага Родины и бес-страшно били его кулаком, штыком, винтовкой, пистоле-том, автоматом, пулемётом, пушкой, танком. Чем только не били.

Русский мороз, неладное бездорожье, испепеляющий зной – ваши союзники с начала и до конца.

А льющаяся во время затишья песня – верная подруга. Письма-треугольнички, написанные у землянок, в осыпаю-щихся окопах, среди руин отбитых городов, связывали с те-ми, кто ждал.

Много вас осталось на кровавых полях сражений. Мно-гие пропали без вести, не дождались освобождения лагерей смерти. Скольких искалечила война?

Нами не позабыт ваш подвиг. Благодаря вам Родина не умерла, и живы мы.

Вы и сейчас, если бы могли и пришлось, снова встали за Родину, за своих.

Вы подали пример, и мы, когда враг змейй подползёт к на-шим границам, так же, не задумываясь, встанем и пойдём сражаться за Матушку-Родину, за любимых.

Мы благодарим вас, живых и ушедших, вспоминаем и гор-димся. Спасибо вам, деды, от внуков Победы!

С любовью Лев, Павел и Ася».

– У вас получилось хорошее письмо, дети.

– Тогда мы в школу...

День рождения

А вы знаете, что у каждого дня рождения есть «сочельник», то есть день накануне главного дня года. В такой «сочельник» дом сверкает от чистоты и украшен как восточный дворец. А именинник, наверное, побывал в бане: благоухает, словно цветущая сирень, испулавшаяся под дождём. Семья спешит поздравить уже после полуночи. И поэтому сон наполнен исключительно добрыми сновидениями.

Утром смартфон разрывается, а к обеду заряд близок к нулю от приятных звонков и сообщений: близкие и друзья щедры на тёплые слова, словно весенние птицы щебечут, и душа от этого – распустившаяся яблоня.

Родители со словами: «Лев, ты будешь очень обрадован» – преподносят долгожданный подарок – рюкзак с многочисленными отделениями, в том числе для ноутбука, и карманом-органайзером, рюкзак, с которым по плечу любые путешествия, ожидания в аэропортах, пыльные дороги, улицы, складывающиеся в километры.

Ближе к вечеру большой стол ломится от яств. «Добро пожаловать на весёлый и шумный пир горой!» Ароматным цветам не хватает ваз, а красочным подаркам и сердечно подписанным открыткам – места. Суется мама, папа гордится мной, Ася и Павел одеты по последней моде, бабушки и дедушки с орденами, тёти и дяди полны любви, племянни-

цы и племянники хихикают, лучшие друзья и подруги открыли души. Всё внимание виновнику торжества, будто первому или последнему императору. Только для меня, «ново-рождённого», льётся беспокойная река тостов и стихов – в них пожелания всех благ мира. Мама, кажется, под слышные фанфары, выносит торт-красавец со свечками – прошедшими, но не забытыми годами, и лишь одна свеча олицетворяет время до следующего дня рождения. Не получилось задуть все, и не беда, дружно справились со всеми свечками. Теперь загаданные желания точно исполнятся за мой новый год.

Говорят, в день рождения космос раскрывается для именинника. В этот день невидимая энергия вливается в него. И происходит программирование на исполнение желаний.

Время музыки, песен и танцев! Нисколько не постарел и так же молод душой! А самые любящие и верные люди по-прежнему окружают меня.

Ещё светло вспоминаем тех, кто ушёл, наших ангелов-хранителей.

Мы часто отмечаем свои дни рождения в ресторанах, театрах, у моря, в горах, но... «Нет ничего лучше домашнего торжества. Дни рождения дома в семейном кругу – это необъятное счастье, искренняя любовь, добрейшая доброта. Эти дни неповторимыми могут сделать только близкие люди и домашние стены – проверено годами. Лев, главное никогда не забывай об этом», – говорили родители юноше. И я не забуду.

Осень

Дома осенним днём

Как-то незаметно пожелтели, покраснели, побагровели листья повзрослевших за весну и лето деревьев. Разбросанные по всему городу лужи никак не могут высохнуть. А дождь однообразно моросит целыми днями. Сегодня небо (наконец-то!) немного прояснилось, слоистые тучи расходятся, и холодное солнце выглядывает то тут, то там. Но вскоре солнце покинуло мою комнату, и мой закуток окрасился в серый цвет – иди включай свет среди бела дня. Вдобавок к этому тёплая батарея-змея прижалась к стене. В квартире не холодно, а как-то промозгло. «Ася, ходим в кафе?» – спрашивали подруги, но я не пошла. Весь день на душе словно кошки скребут.

Я поудобней устраиваюсь в мягкой, как пух, постели, будто ребёнок на родных и нежных руках матери. Зимний клетчатый плед обнимает с кончиков пальцев до самого подбородка, теперь я точь-в-точь как подогретый рулет: передвижные рестораны предлагают подобные во время осенней ярмарки. Но хочется больше тепла и уюта. И остросюжетный фильм, запущенный на планшете, помогает окончательно раствориться в нашем милом доме и октябре. Чёрная

краска ложится на поверхности – видимо, солнце убежало за горизонт от дождя, вновь размывающего город. Он задевает потаённую струну в моей разомлевшей душе. Нехотя задернув шторы, окружённая полной темнотой возвращаюсь в свою нагретую норку. Теперь экран планшета ярче светится и мелькают цветные кадры фильма, его сюжет так удачно совпал с настроением.

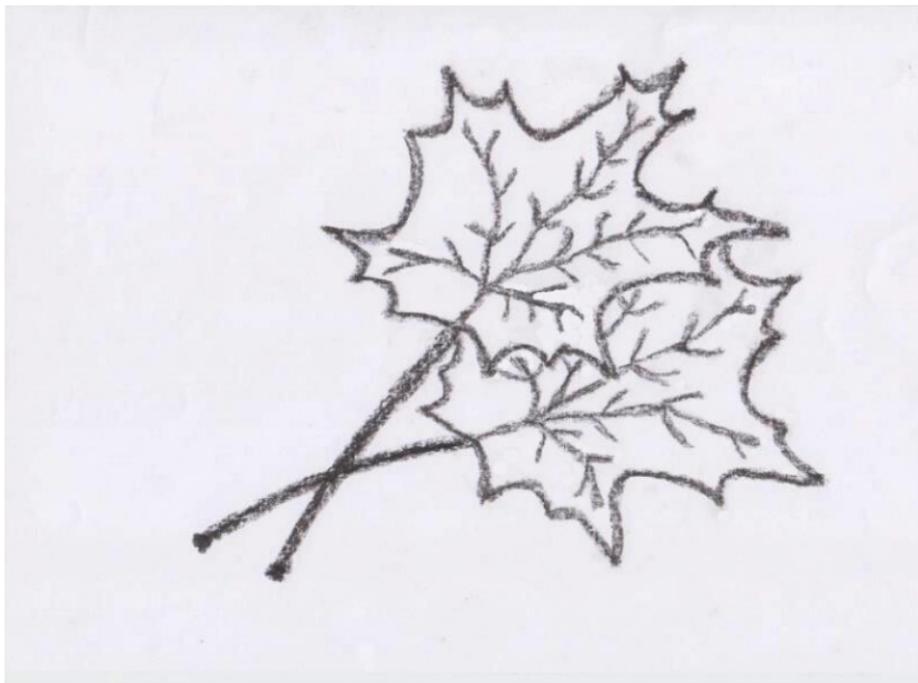
Спустя время кухня заполнена тусклой желтизной ламп. Настаивается травяной чай: сбор лечебных и удивительно душистых трав. Но сегодня он способен лишь чуток успокоить что-то плачущее внутри меня. Любимая музыка, плывущая из динамиков смартфона, тоже не спасает, тербит раскрывшуюся этой осенью душевную рану. Да я, если честно, не хочу спасаться, пока. Спокойно допив свою «микстуру», берусь стряпать ужин, ведь подкрался вечер, а значит моя уставшая мамочка уже спешит домой, она, бедняжка, сегодня работала. Испускающая жар еда располагает к беседе о летних каникулах и отпуске, путешествии в теплые края, только память да фотографии сохранили те чудесные дни.

Тёмный вечер, и с балкона прекрасно видно, как лужи блестят в тоскливом свете фонарей, и по-прежнему моросит дождь. Мама обнимает меня.

– Мам, правда, – говорю я, – осенью печаль сливается с каким-то теплом внутри, а зябкость обостряет это чувство, воспеваемое поэтами? Знаешь, мне так хочется провести дома ещё выходной, как хоббит в своей норке.

– Ася, почему бы и нет? Ведь осень создана в том числе и для этого, – отвечает мама, любовно прижимая меня к себе.

Картины осеннего парка

По-королевски золотой октябрь месяц только вошёл на престол. Мама, нежно обняв меня, предложила погулять в осеннем парке. Конечно, я согласилась, так как всю субботу мы готовили, как оказалось, бесподобный яблочный пирог, делали сухую и влажную уборку, не пропуская недоступные углы, гладили с уставшими спинами и ещё успели принести

из магазина нелёгкие для нас, девочек, сумки.

Дождь обещают к вечеру (это радует!), и мы, тепло одевшись, выходим из согретого батареями панельного дома. С удовольствием вдыхаем по-осеннему свежий воздух, который в парке становится более приятным, чистым и богатым. Центральную аллею городского парка украшают медные клёны-старички, повидавшие на своём веку столько осенних дней, сколько невозможно сохранить в памяти. Они бросают пятиконечные листья-сердца под ноги, делятся оставшимся теплом. Плачущие клёны обнимают наши силуэты, а мы стремимся запомнить этот момент.

Внезапно начинается дождь, застав врасплох нас с мамой. Отгородиться от него, мокрого и холодного, нечем.

– Ася, спрячемся в нашем кафе у озера, – подсказывает мама.

Позолоченные берёзовые листья обливают нас слезами. А другие капли наполняют опавшие листья-ладони и волнуют кругами, крохотными цунами, тёмно-синюю озёрную гладь.

Я, взглянув на мамино лицо, замечаю множество прозрачных капель и начинаю утопать в мамулиных глазах, добрых и умных, и разглядывать её морщинки – солнечные лучики.

– Какая же ты у меня красивая, мама! – Слова слетают с моих губ.

– Ася, любимая моя... – отвечает мама.

Капли постукивают по перевернутым лодкам у закрытой лодочной станции, как музыкант симфонического оркестра

– по барабанной мембране. В кормушке ни белого хлеба, ни овсяных хлопьев, ни сырых семечек, только глупый листок с родимыми пятнами, не понимающий, как он очутился тут. «Интересно, а где птицы прячутся от назойливого дождя?» Тем временем мы дошлёпали до уютного кафе.

Промокшие, заказываем горячий чай и кофе и сначала согреваем о бумажные стаканы прозябшие руки. За окном ребёнок в сапожках скачет по луже-зеркалу, разбрызгивая её во все стороны. Пробегает, поджав тощий хвост, мокрая дворняга. Возможно, бедолаге хочется есть. «А дождь – не проблема», – думает она. Уходит далеко задумчивый мужчина в чёрном плаще под раскрытым зонтом-тростью. У каждого человека есть воспоминания, которые отрывают от действительности, да?

А мы вспоминаем нашего папу. Одним осенним днём он с букетом жёлтых хризантем героически мок под сильным дождём, дожидаясь маму, опаздывавшую на свидание. Сейчас папа очень далеко от нас: участвует в конференции на другом конце страны. Но вопреки всем обстоятельствам в этом размытом дождём парке и спасительном кафе наша семья снова собралась, пусть и не реально. Ведь если любимые люди думают и говорят о любимом человеке, а он тоже вспоминает своих ненаглядных – значит, они вместе. И мы с мамой это почувствовали, как, уверены, и наш папа...

Звёзды

– Ребята, сегодня нарисуем звёздное небо. Попытаемся изобразить следующие созвездия: Большую Медведицу, Лебедя и Дракона. Уверена, вы справитесь. Это намного легче, чем вечерний город, который украсил ваши блокноты неделю назад.

Листок для рисования темнеет. Кисточка принимает ванну: погружается в стакан с водой, потом пропитывается белой краской и... вспыхивают серебряные звёзды одна за другой. Если включить воображение и правильно соединить их прямыми линиями (лазерными лучами), понимаешь, что кухонный ковш называется Большой Медведицей, растянутый крест – Лебедем, а волнистая нить с узлом – Драконом.

Конечно, у меня получилось! Гордая пятёрка возникла в приложении «Дневник». Я доволен как слон, и родители не станут переживать за мою успеваемость.

Пронеслась учебная и рабочая ноябрьская неделя. Папа, мама и я поехали закрывать дачный сезон, подаривший за мимолётное лето миллион положительных эмоций. И кто мог подумать, что я увижу небо, усыпанное «живыми» звёздами!

Стемнело рано. Перед сном папа предложил подышать свежим воздухом, а сам незаметно выключил фонари под крышей. И когда мы, освещаемые одной луной и обдуваемые

стылым ветром-свистуном, спустились с верандных ступеней, припорошенных первым сказочным снегом, предвестником календарной зимы, и бросили взгляды на смоляное небо, то ахнули! Оно было усеяно звёздами, как поле – семенами.

– Планетарий... – прошептал я, удивлённый таким изобилием звёзд. Это невидимый художник отметил яркой звездой каждый сантиметр чёрного холста.

– Мама, посмотри, звёзды прижались друг к другу, а рядом ещё такие же, словно ты и папа, я и старшая сестра, – сказал я, заворожённо рассматривая звёзды.

– Лев, не забыл? Моя и папина молодость прошла в Архангельске – северном городе рядом с Белым морем и Ледовитым океаном. По вечерам, обнявшись, мы смотрели на звёзды и под падающие загадывали желания. Кстати, что-то уже сбылось.

– Однажды Ася потеряла Луну, – вспоминает папа. – Она бегала по двору и искала лунный блин. «Ну где же? Ну где же? Хоть половина!» И пропажа вскоре нашлась, оказалась из-за тучи, слившейся с тёмным небом, ослепила своим блеском, точно тарелка, непревзойдённо помытая посудомоечной машиной.

– Папа, Луна – это планета! Солнечные лучи отражаются от неё, поэтому она светится будто звезда, – блеснул я знаниями.

– Молодец! Лев, как думаешь, наша модель ракеты про-

колет синеву, приблизится к планетам и звёздам, когда построим?

– Папа, у нас с тобой ладится всё! – Я продолжил исследовать необыкновенно звёздное небо. – Мам, бабушкины очки! – выскочило у меня.

Тёплыми летними вечерами мы с бабушкой любим поболтать на скамейке у её низкого деревенского дома рядом с юной берёзой – прутиком, увенчанном семью салатными листьями. Бабушка рассказывает сказки до тех пор, пока не стемнеет и сильно не захочется спать...

Над лесом звёзды выстроились в ломаную линию – это Черныш трогает лапой мяч, интересуется. А рядом Белый свесил хвост. Черныш – наш обожаемый кот, которого папа, возвращавшийся с работы, подобрал котёнком. Сирота попискивал у подвальной решётки, и папа разглядел его при белой полной Луне. А Белый – наш пёс, живущий с бабушкой. Ещё недавно мама его, малыша, несла за тёплой пазухой из питомника. Лишь одна «звезда», Венера, сияла на небосклоне, и билось маленькое сердце Белого, прижавшегося к маминой груди.

А вот и она, Венера. Моя соседка по парте такая же искрящаяся!

Ещё я вспомнил, как у Чёрного моря через толстые линзы большого телескопа изучал, правда всего пять минут, планету Сатурн. Она была такой мелкой – горошина, а кольца, опоясывающие её, намного тоньше обручальных, мамино

и папиного. Но видимая энергия исходила от неё. Живая, да, именно живая!

Мы любовались и любовались звёздным небом, а звёзды смотрели на нас и подмигивали. Темнота вокруг и пронзительная тишина.

– Мы в невесомости, Лев, парим среди звёзд и планет. А может, наш дом – Сатурн, или незнакомая планета Млечного Пути, или другой галактики. Мы – везде. Мы – Вселенная, – поделилась чувствами мама.

– Любоваться звёздным небом – это как смотреть длинный сериал про целую Вселенную и про себя и открывать прошедшее, настоящее и будущее, – дополнил тогда папа...

Кем стану. Чем увлекаюсь

Информационные технологии

Сейчас каждый носит с собой смартфон и не представляет своей жизни без него: забыл дома личного помощника и аниматора – и сразу становится грустно. А дома мы делаем некоторые уроки за персональным компьютером. Скажи, его монитор похож на лицо, а клавиатура сойдёт за туловище? Но немного жалко его, безрукого и безногого.

Зато у всех компьютеров есть процессор, то есть мозг. У нас он занимает столько места, а у них он с монету и радио-электронный, но тоже способен обрабатывать информацию. Например, мама спрашивает: «Лев, что будешь на завтрак: сэндвич или геркулесовую кашу?» Правда, есть повод задуматься? И я, хорошо взвесив за и против и выслушав совет Павла, отвечаю: «Мам, буду сэндвич».

А что процессор? Когда я дотрагиваюсь пальцем до иконки на экране смартфона или щёлкаю мышкой по иконке рабочего стола домашнего компьютера, тогда я выступаю в роли спрашивающей мамы, процессор – в роли меня из прошлого, а другие компоненты компьютера – в роли Павла. Процессор обрабатывает запрос, обращается к другим устройствам за помощью, и – вуаля! – на экране смартфо-

на или мониторе, перед моими глазами появляется, например, вступительная заставка любимой игры, что сравнимо с теми самыми словами: «Мам, буду сэндвич». То есть задачу процессору ставит кто-то извне с помощью устройств ввода: клавиатуры, мыши, пера. Голосом или касанием. А готовый результат отображается на устройствах вывода: экранах, мониторах, принтере. Или воспроизводится через колонки.

А знаешь, раньше любители технологических новинок использовали телевизор с большим кинескопом, внешне напоминавшим кузов грузовика, точно так, как сейчас используют тонкий монитор. Может, видел такие громадины в музеях?

Ещё наши помощники обладают памятью, как и мы. Ты ведь помнишь школьную программу? В некоторых устройствах смартфонов и других персональных компьютеров, SSD-дисках, SD-картах, USB-флешках, она называется флеш-памятью. Твоя тетрадка для математики – в клетку, и флеш-память состоит из множества крохотных ячеек, которые способны запоминать, и забывать информацию, и делиться инфой. Если устанавливается приложение, снимается видео, копируются или удаляются файлы, запускается игра, что делают при этом ячейки флеш-памяти, догадайся?

А недавно специальная магнитная лента, спрятанная в прямоугольную коробку – кассету, хранила информацию. Да-а, не такую мама пришивает к платью сестры.

А после неё запоминающим устройством являлся гибкий

магнитный диск, точно блин. Его закрывал надёжный пластмассовый квадрат. Всё вместе называли дискетой.

Сейчас многие домашние помощники имеют жёсткие диски – это дети тех самых дискет. У дискеты один магнитный диск, а у жёсткого диска – несколько, твёрдых и совершенных, способных хранить целые коллекции игр, фильмов, музыкальных альбомов и много фотографий из путешествий.

Ты, конечно, знаешь про существование облачных хранилищ – это когда вечно заканчивающаяся память твоего смартфона или компьютера доверяет свои файлы облаку и с облегчением выдыхает. Облако в виде лошади, плывущее по голубому небу, или кричащее грозное в данном случае не подойдут. Облачные хранилища – это серверы, мощные компьютеры с множеством процессоров, жёстких или SSD-дисков (флеш-накопителей) и других компонентов. Эти компьютеры (конечно, без мониторов и клавиатур) лежат друг на друге в больших шкафах-«небоскрёбах», разбросанных по свету.

А теперь допустим, что мама бросает мне звенящую связку ключей: «Лев, лови!» – и я ловлю её. Вот и интернет – это находящиеся в разных точках нашей круглой, как шар, планеты хранилища (серверы), компьютеры, планшеты, смартфоны, которые обмениваются данными по проводным и беспроводным сетям. То есть интернет – это настоящая «Всемирная паутина», слышал, наверное, про такую?

Например, наш любимый и незаменимый в быту Wi-Fi – это технология беспроводной связи малого радиуса действия. Да, будет роутер посылать новые сообщения от школьных друзей, а они – появляться в личном чате, когда после уроков остывает бабушкин суп.

Bluetooth – другая подобная технология, благодаря которой самая ритмичная музыка долетает от смартфона до потёртых наушников, лишённых всяких путающихся проводов.

А когда жарким днём ты прикладываешь смартфон к терминалу оплаты и покупаешь любимое мороженое из пре-холодного холодильника, обросшего, будто арктическим, льдом, – это волшебство возможно благодаря ещё одной похожей технологии – NFC, используемой в том числе и для бесконтактной оплаты.

А можешь представить старую компьютерную игру? Нет? Тогда помогу. Её персонажи, бесстрашные герои и неисправимые злодеи, а также игровые локации были раскрашены лишь шестнадцатью цветами. И всё! Эти двухмерные миры, плоские, как книжный лист, и герои, словно разглаженные утюгом или прошедшие между облитых краской валиков, радовали не меньше, чем нынешние. Скачай такую игру на смартфон, вернись назад в прошлое и стань первопроходцем!

Я очень люблю проводить время с компьютерами – это моё хобби. Мне нравится изучать масштабные обновления

для разных операционных систем, время от времени делать апгрейд системного блока. Мне всегда, сколько себя помню, нравились цифры. Я пока не определился с будущей профессией: стану учителем математики или информатики, или программистом.

Мы счастливые люди, потому что живём в тот период времени, в котором есть компьютеры, доступные абсолютно каждому.

Надеюсь, я смог заинтересовать тебя, мой друг, и поверь: это только начало. Мне хотелось бы, чтобы и ты полюбил компьютеры всем сердцем и сказал им: «Привет» – как когда-то они, самые первые из них, сказали целому миру.

Я – человек науки

Моими кумирами со школьной скамьи были гениальные учёные прошлого. Они заложили фундамент и построили первые этажи небоскрёба под названием «Современная наука». На их трудах базируются революционные, перевернувшие сознания, открытия двадцатого и начавшегося двадцать первого века. Эти люди не мыслили себя без беспрестанной работы, а их озарения являлись плодами непрерывных исследований. Они трудились на благо родных университетов, альма-матер, и, конечно, всех стран. Нередко воплощали в жизнь результаты умственного труда. Также я восхищался пытливыми современниками, молодыми людьми и их учителями, – людьми мира, спустя годы решившими одну научную задачу, победившими, нашедшими правильный ответ на главный мучивший их вопрос, а также ответы на немало-важные второстепенные вопросы.

Я являлся золотым, серебряным и бронзовым призёром многих межрегиональных олимпиад среди школьников и даже одной международной, взорвавшей мой мозг. Естественно, был круглым отличником, хотя некоторые предметы заставили меня попотеть. Получал удовольствие, выполняя домашние задания, досконально изучая школьный материал. Я среди местных хулиганов слыл безнадёжным ботаником. Это не расстраивало, потому что не про меня. Я бескорыстно

помогал друзьям готовиться к контрольным работам. Дружил с ребятами, которые тоже не могли жить без того, чтобы не решать ежедневно, казалось бы, нерешаемые задачи. Мы образовали кружок «Общество молодых профессоров», обсуждали научные статьи и делились мнениями.

Все университеты хотели заполучить меня. Я выбрал старейший и крупнейший классический университет России. Атаковывал библиотеку, штудировал учебники и методички, какие только выдавали. Не пропускал ни одной пары, ни одной лекции, никогда не опаздывал. Не боялся задавать вопросы, общался с преподавателями-гуру, разбирался с их помощью в том, что не до конца понимал. А вообще какое-то шестое чувство направляло поток мыслей в нужное русло, подсказывало мне правильное решение. Несомненно, у меня талантливая голова. Я хватался за любую возможность применить теоретические знания на практике. Самый уважаемый студентами курса преподаватель, учитывая, что я даже не поступил в аспирантуру, предложил мне: «Лев, хочешь поработать у меня в качестве младшего научного сотрудника?» Я, не раздумывая, согласился. Работая в команде, я развил бесценный навык достижения успеха. Последние университетские семестры прожил с большим интересом, встав во главе небольшого коллектива из своих увлечённых сверстников, и мы сделали первое, пусть не великое, но открытие.

Благодаря родителям я смог получить полноценное

послевузовское профессиональное образование. Родители вкладывали в моё обучение, я никогда не забуду, чем обязан им и что должен им. Когда я корпел над первой, кандидатской, диссертацией, параллельно уже зарабатывал на своих огромных, но уместающихся в моей голове знаниях и уникальном опыте.

Сейчас я – житель научного городка, докторская степень не за горами и очередное серьёзное профессиональное достижение тоже. Я признан как учёный. Переписываюсь с коллегами из разных государств и выступаю перед ними на конференциях, обмениваюсь многолетним опытом. Мои ученики ловят каждое моё слово, хотя мне самому чуть за тридцать. Я счастлив, потому что занят любимым делом и получаю за хобби немалые деньги. Я наслаждаюсь процессом и готов покорять новые и новые вершины. Кто знает, я стану Эйнштейном или нет? Ясно одно: учение и труд воплощают самые дерзкие мечты в реальность!

Кинематограф

Театр уже существовал в Древней Греции. Наверняка и наши далёкие длинноволосые предки, прикрытые шкурами добытых зверей, выдыхая слова и энергично жестикулируя, выступали перед своими соплеменниками. Сейчас подобные короткие спектакли носили бы названия: «Охотник и жертва», «Его звали “Острое копьё”», «Хочешь есть – побегай».

Талантливые театральные актеры и хорошие декорации творят чудеса, а если ещё имеется музыкальное сопровождение, тогда ты, сидя в зрительном зале театра, смотришь настоящее кино. Да, спектакль – это нечто большее, чем кино, и нечто меньшее, чем кино. Но, согласитесь, всё-таки много общего у театральной постановки и кинокартины.

Так зачем Братья Люмьер придумали кино? Почему мы не довольствуемся театром? Я задал Асе точно такие же вопросы, и вот, что она ответила.

«Лев, я не увижу страшное бушующее море на сцене и человека, бросившего ему вызов; говорящего кролика или невесомый призрак; мир будущего, мир не существующий, мир, который не воссоздашь на подмостках.

Я не могу посмотреть дважды любой спектакль, все спектакли отличаются, как близнецы: если приглядеться, они и чуть не похожи внешне, и их внутренние миры не одинаковые. А кинокартины неизменны: там, на киноплёнке, у ак-

трисы каблук не подвернётся, у актера голос не дрогнет, его замена не состоится тоже. Как отснято, так и уйдёт в века.

Любимую кинокартину легко взять с собой. Если память смартфона, планшета или ноутбука хранит её, тогда скрашивается путешествие за просмотром фильма. Причём не важно, чем путешествовать: самолётом, пронизывающим синеву; поездом, скользящим по рельсам; автобусом, летящим по дорогам; кораблём, гуляющим по водам. Или просто идти пешком. А театр не поместится в карман жилета и в набитый рюкзак тоже.

Или, допустим, прямо сейчас, ни минутой позже, не уходя из уютного кафе, мне хочется увидеть любимого актёра, повторять крылатые фразы из фильма. Только кинокартина – запечатлённое движение, сроднившееся со звуком, – подарит мне встречу с обожаемым мастером перевоплощений. А где он сейчас: работает над новым фильмом или отдыхает после окончания съёмок, – совершенно не важно.

А ещё я могу тихо засмеяться или всплакнуть, и меня никто не увидит и не услышит, если, конечно, я устроила киносеанс дома.

Лев, при встрече с нашими родителями, озадачим их теми же вопросами, может, они дополнят меня», – вот что Ася мне ответила.

И я подумал: «Что бы мы ни ответили – это не повлияет на наши походы в кинотеатры, пополнение фильмотек, на просмотр кинокартин онлайн, потому что кино обладает осо-

бой магией. Смотря кино, мы по-особенному вновь и вновь обманываемся, проживаем чужие жизни, разрываем сердце, залечиваем душу, путешествуем, отрываемся от реальности. Мы заколдованы кинематографом и не хотим сбрасывать чары. Спасибо тебе за это, добрый волшебник!»

Маленький повар

После обеда мама невзначай сказала:

– Моя подруга, Лев, купила очень спелое манго в магазине, том самом, ближайшем к нашей девятиэтажке.

Я, не теряя ни минуты, собрался и выбежал на лёгкий морозец. Всего три штуки индийских манго лежало между крупными яблоками, и я взял два. Отлично! Успел! А вечером промыл, искупал скучавшие дома иранские финики и замочил их. Они, прижатые друг к другу и завёрнутые в полиэтилен, занимали всю картонную коробку. Какие же липкие, точно сосновая смола, расплавленная солнцем. Сразу повеяло ароматом южной ночи, недаром приплыли из арабской страны. Промывая их, чувствовал, что перебираю совсем не плоды пальмы, а морские камешки. Очень спелые: кожура фиников трескалась и обнажалась мякоть. Как же они хотели поскорей, не дожидаясь утра, сбросить одежду и стать частью моего кулинарного шедевра! Мама подсказала оставить немного воды в поварской миске:

– Животы, а у кого и спины, у них не разберёшь, едва покрылись водой – значит хватит. Лев, и пусть переночуют на балконе, там всю неделю температура будет плясать около нуля, иначе закиснут.

У мамы намного больше опыта, мамуля знает, как лучше замачивать всяческие ингредиенты для каких угодно блюд.

Так зачем же я побежал за зрелыми манго? К чему я приступил тем вечером? Ответ: «Виноват полезный чизкейк». Просто, без повода, решил состряпать что-нибудь, сделать приятное маме и, особо не раздумывая, выбрал диетический десерт без грамма сахара и сливочного масла.

Утром, перешагнув порог кухни, надев чёрный передник и засучив рукава, вдохновлённый, продолжил творить. Смуглые финики набухли за ночь, хорошо впитали воду, утолили жажду после долгого путешествия. Теперь они, запеленованные, раздеваются до вязкой «шоколадной» мякоти, из которой высвобождается беловолокнистая косточка-лодочка. Приходится время от времени споласкивать руки и браться за новые и новые плоды финиковой пальмы.

Сразу же достаю из корзины банан – точь-в-точь улыбка добряка! Жёлтая кожура распадается на три лепестка – и вот другая поварская миска переполнена кусочками банана, этой бледно-жёлтой маслянистой мякотью.

Настает черёд тех самых манго. Интересный фрукт! Смущённый бордовый румянец на зелёной щеке тому доказательство, и одновременно испуганный, весь покрыт еле заметными мурашками. Сначала, как и банан, необходимо помыть его: необыкновенно гладкий, он становится скользким, словно кусок мыла. А чистится не дольше крупной картошки: одна рука утопает в нежной и сочной солнечной мякоти, другая же срезает лентами кожуру. Укладываю его на доску и отрезаю ярко-жёлтые кусочки до тех пор, пока не нахожу

сплюснутую косточку: немалую и звучащую, как настоящая кость.

Кухонные весы определяют каждый грамм, поэтому взвесить творог, густую кашу, и убрать лишнее – проще просто. А ведь можно лепить из него. Кстати, подтаявший снег и цвета такого же, и принимает форму, какую хочешь.

Также играючи расправляюсь с куриными яйцами: скорлупы, белые панцири, расколоты ножом и разломлены на две части, студенистые желтки (яркие звёзды) и белки (их окружение) вытекают, не успел глазом моргнуть.

Следующий ингредиент – тёмное какао, а кажется, что песок каменистых пустынь.

И тут я подумал: «А не добавить ли моему чизкейку пикантности, не докупить ли душистой пряности – корицы?» Я знал, что мама ещё на прошлой неделе украсила молочную пенку кофе последней щепоткой корицы, и мы, блуждая по магазинам, хотели купить, но забывали про неё. Лампа не погасла, а я, держа в руке невесомый пакетик с корицей, вернулся из магазина.

Взвешена и горка нутовой муки, будто песочный бархан в прозрачной чаше весов. При пересыпании её частицы попадали и на кухонную столешницу, и на чёрный передник, как вулканический пепел, который покрывает города, когда просыпается тот или иной огненный вулкан.

Ну что, пришло время готовить пресное тесто для коржа. Ведь корж – нижний слой моего и маминого чизкейка. Ну-

товая мука, финиковое пюре, банан, какао, корица скоро соединятся. Для этого пригождается блендер – прямо космическая ракета! Только вместо турбин – ножи, а из верхней части выходит электрический провод. Но этого мало, тесто становится настоящим тестом, когда я замешиваю его, как положено, одной рукой: несколько раз прижимая бесформенное ко дну чаши, загибая и снова прижимая. У него цвет Рождества – имбирного пряника! Затем, отщипывая от получившейся густой массы одинаковое количество теста, катая между ладонями шарики и расплющивая их, сотворю миниатюрные блины.

Керамические формы смазаны незаметно тающим кокосовым маслом и присыпаны кунжутными семками – теперь чизкейки, когда испекутся, точно расстанутся со своими временными домами без крыши. Будущие коржи опускаются на дно цилиндрических форм, а духовой шкаф начинает набирать температуру, всё больше и больше горячится. Да, я бы не справился без маминых наставлений.

Я умею работать блендером и – але оп! – манговые кусочки превращаются в манговое пюре. Меня, младенца, мама кормила похожим яблочным с ложки, и даже космонавты балуют себя в космосе таким пюре в пакетах.

Вот руки дошли и до самого чизкейка. Творог, яйца, оставшееся финиковое и часть мангового пюре блендер, управляемый мной, взбивает до однородной массы. Она по консистенции как каша из геркулесовых, полностью разва-

ренных хлопьев, а по цвету – слегка золотистая. Настоящий повар должен пробовать на вкус все ингредиенты, сухие и жидкие смеси. И я не остаюсь в стороне: вкус сырого чизкейка – это ненавязчивое манго с финиковым оттенком.

Окончательно заполняю формы: творожная смесь (высокий слой) прижимает «имбирное» тесто, поверх – жёлтое манговое пюре (прослойка), которого больше ни ложки не остаётся, после опять творог и вышедшие за него замуж остальные продукты. Получается вровень с бортиками керамических форм. Проходят считанные минуты – и большая форма, на которой расставлены формы с сырым чизкейком, находится на выдвинутом противне, языке духового шкафа. Духовка настолько горячая, будто проглотила солнце. А подогретая вода, льющаяся из чайника в большую форму, покрывает до половины пироговые дома, их словно тёплое море подтопило – это водяная баня, благодаря которой чизкейки, а главное – коржи, полностью пропекутся.

Вначале ничего интересного не происходит, но потом запах выпекаемых шедевров разносится по кухне. Через стекло духового шкафа с подсветкой наблюдаю за ними. Они не спеша поднимаются, растут, надевают шапки, которые всё больше и больше запекаются, бледные становятся поджаристыми – значит, готовы!

Жар вырывается наружу. Зубочистка помогает убедиться в том, что кулинарные произведения не сыры. Если, проколов ею выпекаемое блюдо, ничего не видишь на деревяшке

– можно доставать жаростойкие рукавицы и своё творение из печки. Так и происходит, водные и другие процедуры закончены.

Хочется попробовать чизкейк, не дожидаясь полного остывания. Не удержался! Ничего себе, какой воздушный, лёгкий, едва уловимое манго дополняет также далёкий финик, а корж – бананово-финиковый, какао и нотки корицы отражаются в послевкусии.

Чизкейки, накрытые салфеткой, чтобы не обветрились, остывают весь вечер на кухне, а ночь – на неотопливаемом балконе. Наступает второе утро после старта кулинарного забега. Белые веснушки покрыли загорелые пироги – это я присыпал сахарной пудрой покинувшие дома шедевры. Но чего-то не хватает... Чего же? Сладкого винограда! Если не поленюсь и сгоняю в продуктовый за ним, мама будет в восторге, а я очень хочу увидеть удивленное лицо мамы. Уже бегу! Изумрудные виноградины, как вишни на торте, украшают каждый чизкейк, и я приглашаю маму продегустировать результат моей работы на кухне.

– Свежесть невероятно сочного растения, в меру сладкий, настоящий бальзам для желудка. Вкусы смешались, все нотки слились в одну новую мелодию. Корж получился даже лучше, чем у магазинных чизкейков, очень украшает. Лев, хочется есть и есть. А сахарная виноградина подчеркивает его полезность, – на одном дыхании произносит мама и целует меня.

Маме понравилось! Я счастлив! У меня получился десерт ресторанного уровня! У меня получился!

Мастер и ученик

В редкие часы одиночества и покоя я часто вспоминаю своего отца. Например, наши с ним пробежки по просыпающемуся парку...

– Подъём, Лев! Сбрасывай сон и впрыгивай в кроссовки. Пора на пробежку. – Он приводит меня в чувство. – Погода выдалась наилучшая. Холодный дождь моросит, и хулиганит шквалистый ветер. Уже бежишь? Вот молодец! «Слабак» – не твоя вторая фамилия. Обгонишь с таким напором этого хулигана... Не сдавайся. «Один кружок, он трудный самый...» – кажется, так поётся в песне? Вот и второе дыхание открылось. Что?! Решил замахнуться на марафонскую дистанцию? Смелое решение. Но, я думаю, ты сдуешься раньше. Ты так уверен в своих силах, что я начинаю сомневаться. Докажи самому себе и мне вдобавок!..

Или вижу, как наяву, насколько напрягаются наши мышцы в фитнес-клубе.

– Лев, полюбил свой зал всем сердцем, да? Не можешь жить без него, даже во сне снится? Хорошо. Что-то мы заболтались, хватит языки чесать, разминайся и начнём покорять никем непокорённые вершины, – мотивирует отец. – Вижу, рвёшься в бой, заскучал по железу, уже принял исходное положение. Выдох. Ух, и отдохнём! Твоя стальная грудь и в придачу к ней трицепс получают свои килограммы или фун-

ты, как тебе больше нравится. Ну, а послезавтра почитаем, страницу за страницей, согласен? Нет? Возьмёмся за забытые спину и бицепс. Похвально! Ну, а потом почитаем? Ноги и плечи не забудем, говоришь? Не нытик. С тобой хоть в космос, хоть в горы. Уважаю. Продолжай до жжения. Чувствуешь? Значит, всё не зря, Лев...

Также в те часы вспоминаются домашние тренировки по методикам спецслужб, описанным в старенькой методичке, которую отец и я знаем наизусть.

– Отжимание. Выпрыгивание. Хлопок руками над головой. Тебе не кажется, что комната маловата, не чувствуешь себя хомяком за решёткой? – Мастер подзадоривает ученика. – Ты скажи, и бросим заниматься таким неблагодарным, несерьёзным делом в любую минуту. И зачем только придумали эти аэробные нагрузки? Твой девиз: «Сражаться до изнеможения!» Неплохо. Сколько ни пытаюсь, но безуспешно. Не сбить с пути тебя. Настоящий мужик. Пошёл в отца.

Конечно, перед глазами и наши успешные атаки спортивных площадок.

– Солнечный день. Птицы заливаются. Значит, спортивная площадка во дворе заждалась своих героев, то есть нас, а зал пусть остынет... Медленнее, медленнее, по-черепашьи. Ну, и последний раз до перекладины. Сможешь, давай! – заводит отец. – Давай! Хваткий малый. Не обошёл вниманием и шведскую стенку, и семь потов сошло на наклонной скамье. Порадовал своё тело. И сразу веселее и как-то спокой-

нее, согласишься? Мир заулыбался. Теперь не стыдно за себя.

А ещё никогда не забуду наши с ним беседы о продуктивно проведённом отпуске.

– Ну, как отдохнул, Лев? Рассказывай, всё-таки не виделись неделю. Взял напрокат двухколесного механического друга, и он познакомил тебя с городом? Неплохой старт. – Папа слушает и повторяет за мной. – Сразился с местными ребятами на баскетбольной площадке? Тоже нормально. Расслаблялся до отказа мышц в тренажёрном зале отеля? Отличное продолжение. После прилёта успел прокатиться с ветерком на лонгборде вдоль Москвы-реки, просто для души? Поздравляю, неделя не прошла зря! Что планируешь дальше? Тренироваться вместе со мной, в «Клубе любителей штанг и гантелей»? Так. Наконец-то надеть боксёрские перчатки и отработать громоподобные боковой левой, и боковой правой, и другие полюбившиеся по боям на ринге удары? А я, Лев, собираюсь завязать, – вдруг заявляет отец, но по его интонации я сразу же догадываюсь, что он лукавит. – Может, слышал о медитации, есть такие упражнения в индийской практике, или о китайской гимнастике цигун? Давно мечтаю научиться управлять энергией ци. Или вообще куплю билет в детство: вспомню лечебную физкультуру. Не позволишь старику?! Отговариваешь? Да я пошутил! Мы ещё по-старому дадим жару и сожжём калории. Рад? Смеёшься? Тогда до встречи...

И после таких мотивирующих воспоминаний я всегда,

одухотворённый, срываюсь в зал или созваниваюсь с отцом, и мы по-обычному отрываемся по полной в парке, во дворе, даже в лесу на лыжне. А после тренировки, каким бы я ни был уставшим, крепко жму руку своему старику и говорю ему спасибо за мою невероятную силу, выносливость, уверенность, за моё богатырское здоровье и отличное настроение!

Музыка

Казалось бы, всего семь нот, а сколько музыки написано!

Песня преумножает радость, и я, прослушивая её, непередаваемо счастлива. Возводит чувство любви в наивысшую степень, и тогда музыкальные любовные истории – моя жизнь. Грустные песни – действенное лекарство от разбитого сердца. Как говорится, клин клином вышибают. Вначале незавидное положение, но по окончании плаксивого альбома понимаешь: точно не мой случай. Стоит ли обливаться горькими слезами, когда ни единая слезинка не трогает того, кто является их причиной?

Я уверена, что обязательно найду вторую половинку. Нашу свадьбу, как и свадьбу родителей, сопровождает волнительный марш Мендельсона, а после в ресторане шансонье будет душевно петь для нас, сияющих от счастья молодожёнов, и лучших друзей со всех концов города.

– Ася – заядлая меломанка. По утрам просыпается от приятного саундтрека вместо писклявого сигнала будильника, – рассказывают родители тёте и дяде.

А по пути в университет, вдыхая просыпающийся город, я наслаждаюсь жизнеутверждающими композициями: полюбившимися голосами, заводными аккомпанементами, рифмованными словами, слетающими с языка.

Если же выходной и без уборки не обойтись, то вперёд, с

музыкой! Раз-два – и чистота вокруг, а сил, как у горничной отеля ранним утром, и настроение такое, что хочется взяться за что-то новое!

А ещё я заметила: во время пробежки ритмичные ремиксы прекрасно заменяют личного тренера-мотиватора, буквально окрыляют.

И каникулы никудашные без песен. Во время путешествий на автомобиле под музыку приятно коротать бесконечные километры и болтать, но стоит заиграть хорошему синглу – семья дружно замолкает. И лишь под жизненосные треки солнечные лучи до конца растворяются во мне, и клеточки пляшут, не останавливаясь.

Когда я была школьницей, мои плейлисты состояли из песен одних и тех же певцов, групп. Лев любит повторять, что сейчас я: «Настоящий знаток музыкальной культуры. Ненасытная любительница музыки». И классические, и рок-произведения ласкают мой слух.

Присутствие на концертах любимых певцов – отдельная песня. Живое выступление, живой голос, коллективные эмоции и мысли заряжают нас, поклонников, исполнителя, да и целую планету, а часть выплескивающейся энергии уходит в безмолвное космическое пространство. Моя точка зрения: любимый исполнитель – не кумир, не Бог, а сестра, брат или опытный наставник, потому что мы смотрим в одну сторону.

А дни рождения, которые отмечаем, не проходят без тематических хитов, под них, счастливые, танцуем и поём как

можем, не смущаясь совсем.

Зимой я часто бываю у бабушки и дедушки, мы то и дело вспоминаем летние деревенские посиделки: дедушка не жалеет гармонь, бабушка напевает военные песни, а я не хочу, чтобы солнце садилось.

У нашей мамы необычное хобби, конечно, связанное с музыкой: она является солисткой самодеятельного хора. Как же приятно смотреть на мамочку из зрительного зала: её смеющийся голосок никогда не потеряется среди других голосов.

Представь, я обожаю укулеле, у меня неплохо получается перебирать четыре струны. Записываю исполнение популярных и бардовских песен на диктофон, монтирую в приложении и рассылаю Льву, Павлу, родителям свои далёкие от студийных, но необыкновенно тёплые треки.

«Жизнь невозможна без музыки! – как-то записала я в дневнике. – Она помогает сердцу биться, глазам гореть, воспоминаниям жить, мечтать и добиваться целей. В чём только ни помогает! Жизнь без музыки – это серый небосвод, когда сияет Солнце, это остановившаяся Земля и начавшая сжиматься Вселенная».

Мои путешествия

Автомобилем

– Семья, я поразмыслил и предлагаю поменять машину. Она служила нам верой и правдой, но, считаю, её время прошло, – как-то сказал папа.

– Голосую за большой автомобиль, – поддерживает мама.

– А мы – за самый технологичный! – Мы с Асей давно мечтаем о таком.

Автосалон полон людей. Мы прогуливаемся вокруг одной отполированной машины, после – другой. Падающий белый свет выигрышно увеличивает «железных лошадей». Останавливаемся у внедорожника цвета «мокрый асфальт», с хищными чертами, со ступенькой и объёмным багажником.

– Присядьте! – Подоспевший менеджер открывает четыре двери – порталы в мир путешествий, дорог и городов.

Тест-драйв вокруг автосалона – и окончательное решение принято. А через несколько дней внедорожник – наш. Настало время поближе познакомиться, изучить толстую, как «История государства Российского», инструкцию и приручить, почувствовать машину.

Салон воистину красив, просторен и комфортен: крыша

словно нерасписанный свод собора; панорамные стёкла; обшитый кожей руль ложится в руки; сиденья, повторяющие изгибы тела; а если вытянуть ноги, то и тогда места хватит. И ещё электроника, упрощающая вождение автомобиля, дарящая блаженство и тихую радость пассажирам.

Это не машина, а скользящий космический корабль, отсекающий любые внешние шумы. А педаль тормоза и газа – кнопки, с помощью которых свободно разгоняется и замедляется космолёт.

Целый месяц мы с Асей не могли глаз отвести от нового автомобиля, только и повторяли: «Ух ты, какая машина!» Маме тоже не верилось, что эта, стоящая у подъезда красавица – наша.

– Лев, Ася, пора серьёзно испытать её, – говорят родители.

Нам также не терпится отправиться в дальнейшее путешествие.

И вот новый внедорожник мчится по магистрали, удаляясь всё дальше и дальше от мегаполиса. Команда на корабле собралась дружная: папа – капитан, мама – боцман, мы с сестрой – юнги. Слушаем радио, воспроизводятся плейлисты, и льётся разговор. За большими стёклами мелькают: деревянные дома, потерявшие доски заборы, синие речушки и горбатые мосты. Берёзовые рощи плывут, словно белая река, полуразрушенные храмы остаются позади. Привыкнув к дорожным пейзажам, мы, дети, устроившись поудобней в небольшом доме на колёсах, увлекаемся книгами.

Преодолев половину пути до провинциального городка – конечного пункта, уходим со скоростной трассы. Обочина зелёной просёлочной дороги становится спокойной гаванью: есть несколько минут, чтобы размяться и основательно поест. Проносящиеся с жужжанием фуры и легковушки не мешают наслаждаться птичьими трелями.

– Молодец! Так держать! – Папа нахваливает нашу «лошадку», похлопывая её по тёплому капоту.

Она тоже проголодалась. Ближайшая заправка – и её урчащий желудок-бензобак наполнен АИ-92 до предела.

Когда асфальтированная дорога переходит в грунтовую, над нами – плачущие небеса. Влажная земля быстро размывается. Спасают четыре ведущих колеса, которые легко прокладывают колею в вязкой грязи. Тяжёлый участок пройден, папа поглаживает руль, а дождевые капли бегут и бегут по стёклам, и от этого пейзажи за ними – картины акварелью.

– Дети, какая непогода там, а у нас так сухо и уютно. – Мама и все счастливы.

Вскоре новый автомобиль, как позолоченная карета, забрызганная дорожной грязью, въезжает в залитый солнечным светом город размером с серый квартал мегаполиса. Машина быстрее любого старожилы «приводит» нас к достопримечательностям. А потом задует шквалистый ветер, сдувающий головные уборы. Но он не огорчит, поскольку стены нашей спутницы не продуваемы.

Обратный путь займёт больше времени из-за машин, сто-

ящих и пыхтящих. Да, привычные мегаполисные пробки. Пригодятся все технологичные изобретения. Но машина вырвется из плена, пулей, соблюдающей правила, долетит до «Мойки-24», примет душ и с чувством выполненного долга уснёт около своего дома. И будут сниться ей загруженные дни, весёлые выходные и интересные путешествия, ведь она совсем юная с таким смешным пробегом...

Поездом

Я – очень активный студент, журналист университетской газеты. Благодаря этому хобби лично знаком с деканом нашего факультета, который позволил раньше окончания учебного семестра сделать путевую заметку, вернуться, сдать сессию, а после Нового года опять расслабиться. Итак, вот оно, моё детище, напечатанное колонками в январском номере

газеты «Студенческий Планетарий», и кое-что, оставшееся за скобками, упущенное (ниже я обязательно поясню, что именно).

Солнце ещё не проснулось, а мы уже встали. Мы с папой размялись после сна, шагая с сумкой и чемоданом до автостоянки. Папа припарковался, высадил маму и меня у здания ночного вокзала и поспешил по делам. Жёлтые лучи немногочисленных фасадных светильников и редкие люди, терявшиеся из вида за массивными дверями величественного здания, говорили: «Вокзал бодрствует, как не смыкающий усталых глаз солдат, несущий караул».

Зал ожидания напомнил колоритный южный рынок, где продают всякую всячину: книги дорожного формата (пусть точно скучным не будет), сувениры (на память), бижутерию (конечно, из Поднебесной), бесполезную еду, кофе (слишком рано для колдовского напитка, да и хочется подремать в дороге), незаменимые и бесполезные вещицы, услуги. Мозаичное электронное табло информирует: наш поезд Москва — Кисловодск прибудет на третий путь. А световая вывеска с изображением вагона направляет к междугородним поездам, как рука, указывающая верный путь.

Маневровый локомотив с тонкими перилами – речной теплоход Золотого кольца, замедляя время, подтягивает поезд к красным стоп-сигналам, чтобы отцепиться – дело сделано умело. Вещи снабжены колёсами, и мы по ровным поверхностям добираемся до третьего вагона. Интересно

поглазеть по сторонам, до посадки время ещё остается.

Крыша над змеевидными путями – арочная, из металла. Окна здания – витражи католической церкви. Стены украшены побеленной лепниной. Вагоны – вместительные капсулы времени, исчерченные красными линиями. У входной двери – узкий экран, исписанный листок: номер вагона и путь следования – это всё слова и цифры.

Через овальное окно видно: лампа только что вспыхнула, значит тамбур готов принять первого пассажира. Появляется проводница, одетая женственно и классически. Синий пиджак и юбка не способны уберечь её от декабрьского лёгкого морозца, поэтому она быстро перекидывает мост между тёплым вагоном и стылым перроном, между серой обыденностью и ярким путешествием, сверяясь с мобильным терминалом, проверяет паспорта – билеты, которые дают право путешествовать на этом поезде, сжимающем расстояния и расширяющем границы сознания. Откуда-то сверху, будто небеса глаголят, голос из детства сообщает: «Уважаемые пассажиры, идёт посадка на скорый поезд Москва—Кисловодск, отправление с третьего пути».

Мы с мамой по номерам мест находим своё купе – отсек межпланетного многосоставного дилижанса.

Вскоре еда занимает полстола, вещи убраны под полки, мы одеты по-домашнему (ведь это уютное купе теперь наш дом), отутюженное, пахнущее снегом бельё застелено. Проводница, точно ветерок, проносится по коридору со слова-

ми: «Провожжающие, прошу покинуть вагон». За окном молодая девушка, не сдерживая слёз, машет молодому человеку. Жаль, папа спешил на работу, и перрон не стал для нас перроном недолгой разлуки.

«Всё, поехали, Лев! До свидания, Москва!» Мы с мамой не отрываемся от окна. Проезжаем депо со спящими поездами, припорошенные снегом ряды рельсов и шпал, замёрзшие товарные вагоны, трапецевидные и бочкообразные; стрелки, переключаясь, уводят поезд на северные предгорья Большого Кавказа. Разрезая пополам мегаполис с его высокими домами, прижатými друг к другу, встречаем пригородные электрички, на платформах – сонные люди, добирающиеся до своих рабочих мест: офисов, цехов, ресторанов, музеев. Утренний свет начинает побуждать искусственный, светает. Виден знакомый подмосковный городок, моя самая любимая тётя, мамина старшая сестра, живёт здесь. Мама набирает её номер.

– Привет, не разбудили?

– Уже не сплю. А вы разместились?

– Да, и проезжаем рядом, посылаем воздушные поцелуи.

– Ловите и от нас. Льву отдельный привет от закадычных друзей: тётки и дяди.

– Смейтса и тоже рад слышать.

– Счастливого пути, наши ненаглядные!

– Спасибо! Вернёмся с заказом: горным чаем, конской колбасой к Новому году и твоей любимой пастой из топлёного

масла, сосновой и пчелиной смолы.

– Ждём, ждём!

– Пока!..

(Этот диалог не был напечатан, так как я считаю семейные разговоры личными.)

В этот момент поезд идёт по высокой насыпи, поворачивает и прекрасно виден его питоний хвост.

Кружки наполнены кипятком из титана (успевай донести!), чайные пакетики красят кирпичным цветом раскалённую воду. Мы садимся завтракать домашней едой и тем, чем расщедрился вагон-ресторан.

Сытно поели, пора подключать смартфоны к местной Wi-Fi-сети, развлекательному portalу «Сосед». Ничего себе! Да здесь и свежая актуальная пресса, и большая библиотека, и несколько кинокартин, и MP3 популярных звёзд.

Дрёма накатывает на нас словно туман, где-то далеко купе поскрипывает, потрескивает, раскачивается вагон, тело дрожит, как новогодний холодец, колёса тянут узнаваемую песню: то замолкают, то запевают громче прежнего.

Освободившись от приятных пунт иногo бытия, открыв и подняв глаза, поражаюсь, какое небо голубое – редкость для зимних дней. «Значит солнце, и нам ещё веселее будет!»

Первая остановка – крупный провинциальный город Рязань. Жёлтый одноэтажный вокзал, деревянные домишки подпирают высотки – витает есенинский дух. Пассажи-

ры садятся, а кто-то даже выходит, провожающие смотрят через окна, стремятся запомнить глаза дорогих людей, встречающие раскидывают руки.

Времени предостаточно, чтобы попить чайку, закусывая печеньем и мармеладом, и насладиться полными покоя пейзажами. Снега всё меньше, но он ещё покрывает поваленные деревья (так же глазурь разлита по эклерам), а по колеям рассыпан белый сахар. Тянутся голые фермерские поля – урожай собран, но отдохнуть некогда, нужно и подлатать амбары, и подремонтировать тракторы, полностью подготовиться к весеннему посеву. Дикие разнотравные поля, летом красочные, а сейчас соломенные, простираются далеко до лесов. Появляются и исчезают деревушки Края Света, в них несколько домов: у каждого – своя неповторимая пристройка, рядом обязательно огород, сарай, у некоторых – выдавший все дороги мира отечественный автомобиль. А вот не деревушка, а деревня, разделённая одной центральной, конечно, не асфальтированной дорогой, по обе стороны – дома, но и она как на ладони просматривается до конца. От поселения крупнее, имеющего газ, плывущий по жёлтым трубам, магазин, автобусную остановку, двухэтажные дома со спутниковыми антеннами, бюджетные иномарки во дворах, дорога поворачивает и проходит через пути. Переезд закрыт, ни единой машины, а одна душа присутствует – дежурная железнодорожница вышла из красной кирпичной сторожки и пропускает наш гудящий поезд. Всегда есть

и отдельно стоящие, периферийные, разбитые, но жилые дома, словно хозяева сразу не ужились с соседями. Деревья вытянулись, как солдаты, целое войско, а я, генерал армии, скачу на коне вдоль него, поднимая боевой дух, – это поезд идёт через редкий сосновый лес, солнечные лучи без труда пробиваются сквозь макушки, и жёлтый свет везде между стволами, роняющими длинные тени, что стремятся убежать от поезда в одном направлении. Хорошо бы погулять по такому! Ещё густые еловые леса, прозрачные берёзовые рощи, такие душевно близкие русскому человеку, сопровождают сформированный и сцепленный состав. Колёса стучат шумнее обычного, когда под нами мосты и реки.

Прилетает SMS: «Вас приветствует Воронежская земля!» Судя по расписанию на странице развлекательного портала, ожидается длительная остановка, а значит впереди крупный город Воронеж. И точно. Замедляемся. Приличным дачам, товарнякам и железнодорожным постройкам, необустроенным пустынным промышленным зонам нету конца, сероликим многоэтажкам, гаражам, сложенным из железных листов точно карточные домики, тоже. Кирпичные трубы коптят. Наполовину остеклённые новостройки соединяют землю и небо, а рядом строительные краны, буквы «Г», нависают над ними. Заселённые дома смеются голубыми, розовыми, малиновыми полосами, а их окна – места, где могут поиграть солнечные зайчики. Через окно купе видно: город раскинулся от мала до велика. В это самое время

ныряем в тоннель. Кромешная темнота. Включаю ночник над полкой, и пробивается луч желанного света. Опять вы-сотки, котельные, заводы, спальные районы, гаражи, ваго-ны с облупившейся краской, платформы со шпалами. Долго стоим, скользим мимо дач горожан, горошков-сателлитов, и пошла монохромная лесостепь – круг замкнулся, город где-то позади.

Время незаметно ускользает: голубое небо блекнет, пей-зажи выгорают, горизонт завывает серая туча, а выше – розовый цвет. Рыжая полоса уходит последней. Ещё обед, но уже куда ни глянь – ночь. Да, зимой именно так. Несмотря ни на что, наш поезд бежит дистанцию. Фары-глаза локо-мотива, напоминающие вулканические звёзды, бесстрашно сияют, и чернота разбегается. Включается освещение куп-пе, слишком светло, так, что окно слепнет. Снова спасает светильник над моей нижней полкой – бриллиант чёрного пространства «комнаты». Где-то красные стоп-сигналы, свет автомобильных фар рассеивает тьму; золотые окна домов – светящиеся картины, если занавешены шторами, то менее яркие; штучные деревенские одноногие фонари, вы-тянутые белые пятна – их работа; около переезда уличная лампа сторожки помогает различить железнодорожника в светоотражающем оранжевом жилете; хорошо заметны два окна (испуганных глаза); три бледных апельсиновых фо-наря или вовсе один одинокий; огни освещают дома снару-жи; у крыльца старого дома тепло одетые люди мирно бе-

седуют о чём-то, а со стороны огорода подступает темнота; малые звёзды пульсируют (может, карманные фонари?); региональная автодорога протянулась длинной пылающей лентой; заправка и магазин – настоящие ледовые дворцы в огнях; ещё одна трасса идёт по холму, и представляется горб синего кита, очерченный фонарями в чернильной бездне. Световые пятна то дальше, то ближе, то сливаются. Подъезжаем к станции Россошь. Здесь царит искусственный день, будто белое солнце висит где-то, а ларьки с мёдом, соками и газировкой – жёлтые, маслянистые.

«Лев, пора ужинать». Мама накрывает на стол. Шагаю, пошатываясь и держась за натертые до блеска перила, за кипятком к проводнице. Сегодня она убиралась у нас и, к моему удивлению, запомнила меня, а сейчас разговорилась, рассказала, что проложили новые пути взамен старых, и про то, что у нас с мамой попутчиков до конечной станции Кисловодск не будет, билеты не раскуплены, и абсолютно свободных купе предостаточно.

Поели и опять выходим в светлый коридор многокаютного корабля, где окно к окну; постелен мягкий ковёр-полоса; кулер с питьевой водой; мини-экран, отображающий местное время, температуру внутри и снаружи, станции следования.

Полотенца – на шею, освежающие зубные пасты и щетинистые щётки – по карманам, мы – во всеоружии, готовы к умыванию.

Перед сном читаем, я – про работника библиотеки, решившегося на рискованное путешествие. Болтаем по телефону, папа уже отработал и очень скучает. «Квартира немая и холодная без ваших родных лиц и голосов», – говорит папа. Веселим его и желаем спокойной ночи, он – тоже (моя заметка этого не увидела).

Заводим будильники на смартфонах и под стук колёс спокойно засыпаем, как дома и одновременно в кибитке, трясущейся от одной почтовой станции до другой, – непередаваемое ощущение. Но ранней ночью вместе неожиданно выходим из сна и открываем рты от невероятной красоты за окном: поезд несётся по бесконечному монументальному арочному мосту, протянувшись от берега до берега бесподобно красивого широкого Дона; крупным огням нет числа, они везде, куда ни отведёшь глаза, – феерия света и тени! Да, это Ростов-на-Дону – красавец в ночи!

Хочешь не хочешь, но надо засыпать. Поезд мчится навстречу заре. Утром успеть бы умыться, окончательно собраться, одеться, мысленно поблагодарить машиниста, пожелать удачи проводнице. И продолжить отдых. «Привет, Кисловодск! Великие горы, лечебные воды, кристальный воздух, прогулки по тихим улочкам, шокирующие экскурсии, приятные покупки!» Но об этом как-нибудь потом расскажу, мои уважаемые, любознательные студенты...

Так заканчивается моя газетная страница. А вот что ещё, по моему желанию, она не вместила, так это описание обрат-

ного пути. На обратном пути я встретился, прямо в купе, с девушкой из соседнего университета, которая мне нравилась и нравится до сих пор. Она и её бабушка сели в Ессентуках: бабушка сильно приболела, и моя муза, взяв больничный по уходу за тяжелобольной, забрала свою любимую подругу к себе, под наблюдение столичных врачей. Мы не могли наговориться весь день, и даже когда легли спать, то и дело обменивались словами.

– Тебе нравится здесь?

– Когда такие попутчики: бабуля, ты, Лев, твоя мама, – путешествовать одно удовольствие!

– Под стук колёс мне хочется только две вещи: спать и говорить, говорить больше, ведь ты рядом. А тебе?

– Мне тоже хочется спать, болтать обо всём. Мы так и провели этот день. Красота!

– Да, вылежались! Целый год можно не прикладываться. Дома неделя за неделей одна учёба, не повалешь дурака. Образование – дело нужное.

– Я буду лучшим врачом, доктором наук, и достигну многого! А ты, Лев?

– А я – лучшим айтишником. Поэтому приеду и сразу начну готовиться к зачётам. Как говорится: «Под лежащий камень вода не течёт».

– Аналогично.

– Где встречаешь Новый год?

– Дома с бабулей, мне теперь не оставить её. Она меня

выходила во время тяжёлой болезни, настал мой черёд заботиться о ней.

– Не против, если я и родители зайдём к вам чайку попить? Уж очень хочется подарить тебе новогодний подарок.

– Почему бы и нет, приходите, будем рады. Я приготовлю что-нибудь вкусное.

– Дети, тихо... Пора спать... Ещё успеете наговориться. – Мама переживает, что я и моя подруга не выспимся и другим не дадим.

Мы – послушные и внимательные дети – замолкаем. Не проходит и десяти минут, а уже сладко спим. Колёса-маятники движущегося поезда убаюкивают, и у нас вся жизнь ещё впереди...

Самолётом

Папой куплены билеты на самолёт, значит, путешествие закручивается! Дни проходят, и приходят минуты, когда звучат слова: «Начинается посадка...» – долгожданные слова, потому что перелёт – это маленькая жизнь, ещё одна, а кто откажется прожить её?

Самолёт, исполинская механическая птица с замершими крыльями, готов принять жаждущих приключений. Поднимаемся по трапу, проносющийся ветер взъерошивает волосы, но он не помеха для нашего воздушного судна, может быть, небольшое подспорье. В предвкушении чего-то необычного занимаем свои места рядом. Милые стюардессы ненадолго спускаются с небес: инструктаж по технике безопасности отточен до совершенства. Внимание!

«Гоночный болид» неторопливо выворачивает на взлётно-посадочную, не такую уж длинную полосу. Разгон! Р-р-ревут, не смолкая, мощные турбины, турбореактивные двигатели, каждый из которых способен посоперничать с пятьюдесятью тысячами лошадей. Даже дух захватывает!

В ожидании чуда набираем высоту.

– Лев, когда-то первые, наполняемые горячим воздухом воздушные шары, сбрасывая балласт над необжитыми землями, поднимались достаточно высоко над землёй, и воздухоплаватели-первопроходцы, как и мы сейчас, скользя

вверх, созерцали бархатистые леса, озёра – синие кляксы, реки – серебряные змейки, – добавляет немного истории папа.

Трепеща, минуем призрачные облака. И желаемое чудо совершается! Голое солнце, будто только что родившееся, улыбается нам и тянет свои лучи.

Наступает время свободного полёта, разрешено перемещение по тёплым, со всеми удобствами, отсекам «космической станции». А я фантазирую: «Если бы пахарь из прошлого увидел её между облаками, то, может, и не удивился, а, почесав затылок, подумал, что плывёт по воздуху белый дирижабль, отпустивший восвояси свой пузырь».

Тем временем внутри самолёта жизнь кипит: пассажиры дружно перекусывают, а потом кто уходит в любимившуюся книгу, или дремлет под подходящую для полёта музыку, или... а кто даже над облаками работает, как и пилоты воздушного судна, капитаны дальнего плавания, влюбленные в своих птах и нерушимое небо. Они, если потребуется, готовы собрать волю в кулак и, ощущая поддержку пассажиров, посадить вышедшие из строя корабли на моря и океаны, на заливы, на кукурузные поля.

За иллюминаторами – снежный ковёр, голубая полоса и алеющее солнце. Мы спокойны, так как понимаем, что это иной мир, непривычный, более светлый и чистый. Вслед за солнцем снижаемся. Красные навигационные огни самолёта, мерцающие звёзды. Этими огнями подмигиваем улыбающемуся электрическим светом городу, блестящему, точно

алмаз, аэропорту, взлётно-посадочной полосе, обозначенной сигнальными лампами, водителям и грузчикам аэропорта в светоотражающих жилетах.

– Сбылась мечта, чтобы сбыться вновь! Да, Лев! – Мама эмоциональна, и её рука сжимает мою руку.

Посадка «под барабанную дробь» – кульминация полёта. Так возвращаемся в объятия Земли-матушки.

Вспоминаются: счастливый Экзюпери, покоритель небес, автор «Маленького принца» и книг про лётчиков; любимый урок истории про Ивана Кожедуба и Александра Покрышкина, бесстрашных лётчиков-истребителей Великой Отечественной Войны, советских ассов, державших в ужасе всё гитлеровское люфтваффе, вместе они сбили больше сотни (немыслимо!) фашистских истребителей, бомбардировщиков и штурмовиков; беседы с папой об уникальных хозяевах неба, полярниках: Ляпидевском, Молокове, Водопьянове и других, подаривших новые жизни челюскинцам, членам арктической экспедиции, чей пароход попал в ледяной плен на далекой Чукотке. Земля радовалась, когда герои возвращались, а небо звало к себе.

Оно манит и нас. Согласитесь, оказаться на часок-другой в синеве – дорогого стоит. И во время «стыковки» самолёта с телетрапом папа, мама и я опять говорим: «До новых удачных полётов! До новых встреч, мирное небо!»

Мой досуг

Встреча с театром

– Мам, ну можно я надену толстовку?

– Лев! Ни в коем случае!

– А свитер? Бабушка подарила его.

– Лучше надень-ка костюм, тот, что выгуливался первого сентября. Посмотри, как классический пиджак, белая рубашка и хорошо подобранный галстук украшают папу.

– Ладно. Уговорила.

– Лев, запомни, театр – это место, где волшебство творится независимо от того, праздничный день или будний. Поэтому должен выглядеть с иголочки. Видишь, я тоже надела самое элегантное вечернее платье.

Вечереет. Широкая асфальтированная дорога и многоэтажные дома залиты рубиновым светом. От остановки отходят полупустые шустрые маршрутки и задумчивые автобусы. Наша семья оказывается в одном из них у панорамного стекла. Ароматы парфюмов смешиваются, словно невидимый человек искусства колдует над новым шедевром.

Тоннель разветвлённой подземки, одноцветная линия метрополитена, ведёт к театру. Поезда, несущиеся по нему, конечно, не переполненные людьми, но и не свободные: не

секрет, в выходной вечером всё ходит пореже. Пассажиры увлечены смартфонами, а кажется, что глаз не сводят с наших сияющих лиц.

Подсвеченное здание театра в центре смеющегося огнями города напоминает памятник архитектуры Древнего Рима тёмной итальянской ночью. Его двери уже гостеприимно распахнуты, и нарядно одетые люди стремятся попасть в фойе.

Залы театра, храма жизни, красивы и загадочны: бюсты великих классиков русской литературы, фотографии знаменитых актеров вот-вот оживут. Они здесь, среди нас ожидают волнительного третьего звонка, готовятся появиться на подмостках или быть не просто сторонними наблюдателями. Мы будто следуем за теми, для кого сцена – священный алтарь, за отдавшими родному театру и силы, и души.

Начинается волшебство. Какая-то невидимая машина времени переносит в другую и в то же время привычную эпоху, далёкий и одновременно близкий город. Мы переживаем за героев спектакля как за своих родных. Наши удивлённые, смеющиеся или печальные глаза не отрываются от актёров. А шумные овации провожают их, когда заканчивается первый акт. Антракт разжигает любопытство: «Что же будет дальше? Чем все закончится?» Хочется побыстрее вернуться в зал, устроиться поудобней, чтобы опять закрутиться в череде событий и подойти к счастливой развязке.

Мастера своего дела низко кланяются, а благодарные зри-

тели не отпускают талантливых волшебников с подмостков. Мы, не жалея ладоней, аплодируем актёрам. «Браво!»

Всё ликует внутри. Этим вечером тихий город, театр и наша семья стали единым целым. Среди серых будней засиял нынешний день. Уверены: время не сотрёт драгоценные часы из столь ветреной памяти. Мы обязательно вернёмся под театральные своды, чтобы любимые актёры в который раз открыли души и поразили своим мастерством проживать знакомые и незнакомые жизни.

Художница

– Мам, сегодняшняя выставка так запала в душу, что захотелось написать книгу про талантливую художницу и солнечные полотна, которые согревают, как твоя улыбка.

– Ася, будь смелее, напиши ей, договорись о встрече. До каникул рукой подать, и ты сможешь приступить к написанию дебютной книги.

И вот через неделю я сижу напротив удивительно рыжей и веснушчатой, очень улыбчивой женщины-художницы.

– Золотко, не будем зашториваться и, если не возражаешь, обойдемся без кондиционера, помощника зимы. Пусть жаркое солнце заглядывает, и теплый ветер, когда ему вздумается, врывается в дом и поглаживает нас.

– Я не против!

– Солнышко, знаешь, работать над книгой – всё равно что работать над картиной или скульптурой. Все стоящие произведения рождаются благодаря дисциплине, трудолюбию и терпению... Ася, попробуй травяной чай.

– Благодарю!

Я слегка пригубила душистого чаю из фарфоровой кружки, расписанной подсолнечниками, и, чуть стесняясь, задала свой первый вопрос. Ветер надувал облачный тюль и шевелил собранные шторы радужного цвета.

– Почему залы, в которых выставлялись ваши картины,

были так темны, а работы – ярко освещены?

– Дорогая Ася, когда яркий луч сияет в крошечной темноте, тогда мы осознаем: свет превосходит мрак. Иногда тонкий луч способен спасти заблудившегося в тёмной пещере...

– Согласна с вами... – поддержала я и задала следующий заготовленный вопрос: – У вас есть любимая картина?

– Есть, дорогая! – Глаза художницы вспыхнули. – Это детский портрет моей мамы – бесценная работа. Помнишь, оранжевое солнце с рыжими косами. Она у меня по сей день смешливая.

– Помню, помню её! – Я вскочила с салатового дивана. – Она так и называлась: «Мама». Ещё там в зале малыш, не переставая, лил слёзы, а подойдя к картине, шмыгнул носом и заулыбался во весь рот... А картина-разочарование?

– Ася, не забыла последний зал? – спросила моя собеседница, уголки её губ опустились.

– Конечно, нет. У огромного полотна «Жажда», висевшего отдельно, стоял белобородый мужчина в одежде свободного покроя и печалился, его глаза наполняла незнакомая боль. Чёрное пятно, а вокруг – увядший яблоневый сад. Она?

– Именно. – Ответ прозвучал с грустью. – Без солнца нет жизни, плоды засыхают, а деревья жухнут, садоводы черствеют сердцами и бросают свою землю. Цени каждый солнечный луч: падающий с небес, посылаемый тобой и исходящий от людей – вот что я хотела сказать.

Вдруг кремовой окраски кот запрыгнул ко мне на колени

и дотронулся мордашкой и холодным носом до моей загорелой руки. Я, захохотав, подхватила кота под мышки и поцеловала его морщинистый лоб.

– Мой любимец Васька пришёл знакомиться, – уважительно произнесла гостеприимная хозяйка.

– А ваш натюрморт «Витамин», – продолжила я, поглаживая кота, свернувшегося клубком рядом, – тот, где солнце растворяется в стакане с водой. Самая первая картина в первом зале, ух, еле протиснулась к ней. Замечательная! Тогда я будто выпила его и переполнилась счастьем.

– То же чувствовала и я, держа кисть и палитру, – сказала художница. – Дорогая, ты – чудесная девочка, твои мысли и чувства, несомненно, украсят книгу, подумай об этом.

– Спасибо за совет... Меня поразил и второй, не менее людный зал «Планета», посвящённый милой Земле. Когда я изучала картину «Дороги» – голубой шар, висящий на лобовом стекле автомобиля, мне захотелось отправиться в познавательное путешествие и изучить каждую траву, зверя и рыбу. Ещё я поняла, что останусь слепа до тех пор, пока всем сердцем и разумом не полюблю свой Дом, пока не обниму родную планету, как ваша девочка в жёлтом платье на картине «Обними меня».

– Ася – умница!.. Угощайся ещё вареньем из лесной земляники. А потом поговорим обо мне, ведь каждое произведение – лоскут моей души.

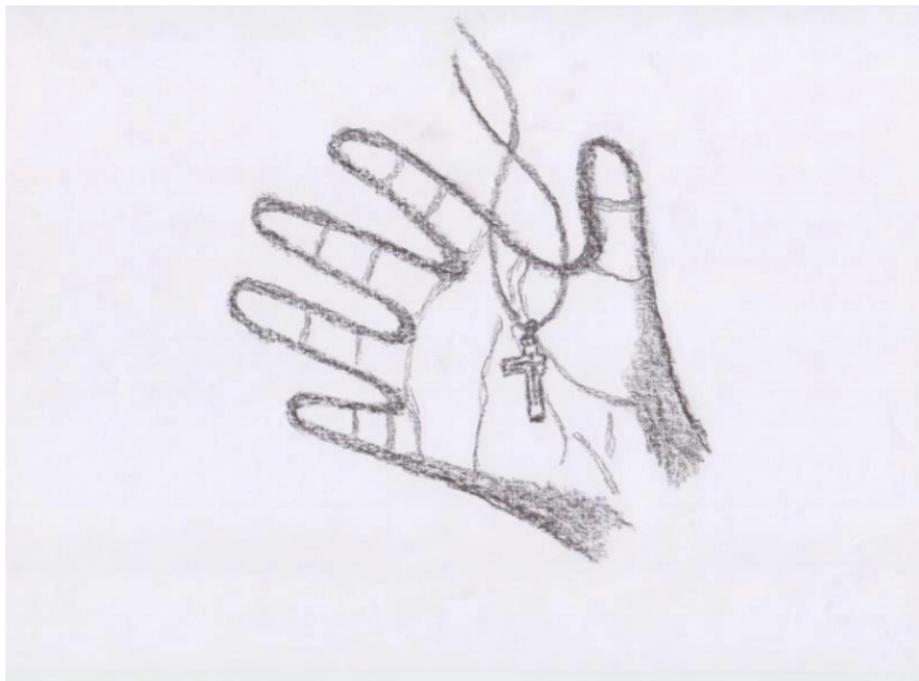
Рядом с ромашковым букетом стояли пиалы с рубиновым

вареньем, и я не отказалась от ближайшей.

После обеда я вернулась домой к маме и поблагодарила её за то, что она поддержала меня и направила.

– Мама, мы даже обменялись номерами, и я уверена, что станем подругами. Как убеждена и в том, что книга выйдет добрая и мои одноклассницы откроют, что выставки этой художницы – лучшие. И сами потянут меня в галерею, чтобы я провела им интересную экскурсию и познакомила с талантливой женщиной, мастерски владеющей кистью, мыслящей на редкость глубоко и не растерявшей теплоты душевной.

Краеведческий музей

Весной мы шумно и легко переехали. Учась в новой школе, я быстро сдружился с радушными одноклассниками, и теперь на всех уроках моей соседкой по парте была улыбчивая девчонка, папа которой работал художником в местном краеведческом музее. Я прислушался именно к её совету и первый раз посетил музей – место, где давнее прошлое про-

никает в настоящее и крепко сплетается с ним.

Стояло жаркое лето, даже трава выгорела, а когда я собирался выходить, прибежала гроза. Пришлось переждать на кухне. Но зато дорога до музея порадовала лесной свежестью, цветочными ароматами и крупными прохладными каплями – дождавшиеся влаги счастливые деревья теряли их. Глазая по сторонам, я прошёлся по набережной вдоль широкой, подобно душе русского человека, реки, по круглой площади, вымощенной камнем, мимо древней церквушки, золотоголовой, словно луковицы на голубом, по оживлённой узкой улице, удивляющей бойкой торговлей.

Когда подходил к музею, зданию из жёлтого кирпича, мне повстречалась пожилая и полная женщина, одна её рука сжимала местную газету, а вторая – ручку тележки на крупных колёсах. «Молодцы! Как же у них интересно: иголки – и те говорят. А у самих-то глаза горят!» – повторяла она. Пенсионерка прошла несколько метров, спрятала газету в клетчатую тележку и скрылась за поворотом. «Ух, ты! Что же там?» – я заинтересовался.

Резная дверь, обитая металлом, будто из боярских палат, открылась нелегко. В холле музея прохлада окружила меня. Солнечный свет струился полосами сквозь окна, напоминавшие своей формой пасхальные куличи. Ветка сирени подсматривала в одно келейное окно. Невысокая женщина-кассир, одетая строго, смуглая лицом, будто живущая под солнцем израильтянка, улыбаясь, оторвала входной билет и по-

звала зрителя. Выскочил молодой человек и деловито пригласил в святая святых – музейный зал, где раскинулись века. У меня разбежались глаза, и я не заметил исчезновения зрителя. . . Да что я всё говорю, предоставлю слово молодому человеку и всем сотрудникам краеведческого музея.

– Знакомьтесь, Александра Анатольевна – основательница этого музея, всеми нами любимый директор готова провести экскурсию, – представил зритель худенькую женщину с волнистыми волосами.

– Как вас зовут? – вежливо спросила директор.

– Лев, – ответил я и рассказал про свою одноклассницу и её папу, художника.

– Редкое имя и красивое. А работами наших художников – ведь ты знаешь, Лев, твоя подруга владеет карандашом и кистью, как волшебница, – я скоро похвастаюсь. Но сначала, наш гость, подойди к сторожевой башне и диораме сражения.

Александра Анатольевна подвела к заснеженному полю боя. Тут же встроенные динамики зашумели и по залу разнёсся звон скрепящихся мечей, свист пущенных стрел, стук лошадиных подков, натыкающихся на упавшее оружие. А после прозвучал голос слагателя былин: «Если враг приближался к граду, не смолкали колокола на сторожевых башнях, и выдвигалось войско для того, чтобы кровушку пролить за землю свою!»

Мы пошли дальше.

– Посмотри, бронзовые браслеты. Женщины, всегда стремящиеся к красоте, носили такие в десятом веке, а похожие – ещё до нашей эры. Подскажи, Лев, на что они похожи? – Директор вопросительно посмотрела на меня.

– Это девчачьи косы, – легко догадался я.

– А рядом интересный камень, правда? – Александра Анатольевна обращала моё внимание на незнакомые экспонаты.

– Да, круглый, а здесь острый?

– Ты смотришь на топор из кремня, Лев, которым люди во втором тысячелетии до нашей эры обрабатывали дерево.

– Ещё топор, теперь узнаю, только ссохшийся и поседевший, везде покрылся белыми пятнами, – заметил я.

– Правильно. Он из железа, века пролежал в земле. А ты знаешь, что вода или влага заодно с кислородом съедают железо, как гусеница – яблоко?

– Знаю. У нас на бывшей даче много таких гвоздей.

– Лев, представь острый наконечник стрелы, годный для дальнего боя, а потом найди его на витрине.

– Нашёл!

– А тут над седьмым и восьмым номером кольцо и горсть бусин. Кажется, невзрачные, но, уверяю тебя, за бревенчатыми стенами и вместе с льняной одеждой хорошо смотрелись.

– Александра Анатольевна, сколько монет! Как копейки и крупнее вроде пяти рублей. Большой клад с «Острова сокровищ»!

– Лев, при каждом правителе чеканили много новых мо-

нет, и изображения на них были новые. Например, сорок лет профиль царя и императора Петра I смотрел с монеты, а следующие два года – профиль императрицы Екатерины I, занимавшей престол... Ты носишь нательный крестик?

– Да, Александра Анатольевна, – сказал я и достал из-под футболки крестик.

– Распятие на твоей ладони целое, а найденные археологами – без правой, или левой половины, или без опоры: фрагменты утеряны. Лев, хочешь поддержать?

– А можно? Я бы хотел!

Александра Анатольевна попросила молодого человека, смотрителя, позвать хранителя музея. Вскоре, держа в руке ключ от витрины, быстро подошла молодая женщина в кардигане и брюках. Умные глаза, доходящие до плеч каштановые волосы – я сразу узнал в ней человека музейного, увлечённого.

– Смотри, не урони экспонат, – предупредила хранительница и аккуратно отдала старый крестик.

Держа его, я ощутил дух времени и вернул крестик на место сам.

Мы перешли в следующий зал.

– Здесь у нас те ремесленники, без которых жизнь в прошлом, да и в настоящем, стала бы труднее и менее комфортной, – объяснила Александра Анатольевна.

Я очутился на будничной улице средневекового города. Вот каморка сапожника. Он, не покладая мозолистых рук,

работает молотком. На столбе развешаны деревянные колодки разных размеров. Ножницы для кожи, кожаные стельки, деревянные каблуки. И уже готовая обувь цвета вороного крыла: тонкая, мягкая и лёгкая, как перо.

Рядом швейная мастерская. Молодая швея в вишнёвом платье до пола и белыми рукавами блузы, прижав к себе плоскую корзину, заполненную необходимыми мелочами, спешит к заказчице. Дверь открыта настежь: куски ткани голубые, вишнёвые, белые сложены на столе; у противоположного солнечного окна другая рукодельница иглой и ниткой подшивает сиреневый плащ; третья подгоняет платье прямо на посетительнице; а сверху – погасший свечной фонарь.

По соседству трудится гончар в белом колпаке и бежевом переднике. Гончарный круг крутится будто механизмы мельницы, и мастер «золотыми» руками формирует сосуд из сырой глины. Полки заставлены готовыми горшками. Ученик, у него соломенные волосы, достаёт из печи обожжённый рыжий кувшин. Около порога гончарной ожидает чернобородый, держащий увесистую книгу монах в коричневом балахоне, перевязанном верёвкой.

Третий зал был посвящен Отечественной войне 1812 года, Первой мировой войне, Великой Отечественной войне 1941—1945 годов и локальным войнам и вооружённым конфликтам.

– Лев, узнаешь Кутузова? – Александра Анатольевна по-прежнему сопровождала меня.

– Конечно, он же был одноглазым. Папа мне рассказывал, что Михаил Илларионович был ранен в сражении с турками и потерял правый глаз.

– Лев, на рисунке запечатлён судьбоносный для всего русского народа момент. Главнокомандующий в селе Фили созвал военный совет и принял важное решение: оставить Москву непобедимому французу Наполеону Бонапарту и его армии. А до этого было дано генеральное сражение возле деревни Бородино, не принёсшее победы. Что случилось дальше, продолжишь?

– Знаю, бежал этот Наполеон, поджав хвост! Мы подожгли Москву, а русская армия, голод и зима, партизаны и казаки победили французов! Они зачехлили свои сабли, так и вернулись по укрытой снегом России ни с чем в свою Францию! А на мундирах наших солдат и офицеров, после сражения на Бородинском поле и бегства императора, засияли ордена!

Зал полностью отображал вышесказанное, ещё акварель висела: «Наполеон в изгнании на острове Эльба» и фотографии памятников от благодарных потомков.

Мне особо запомнились и первые наручные часы, чуть меньше кулака, которые выдавали офицерам во время Первой мировой, а также незаменимая винтовка Мосина, её четырехгранный игольчатый штык для рукопашного боя, газовая граната и противогазы. Александра Анатольевна рассказала, что в Первую мировую войну применялся горчичный

газ, или иприт, в первый раз распылённый во время битвы у бельгийского города Ипр на реке Иперле.

– Лев, хочешь, в День памяти и скорби, в день начала Великой Отечественной войны... – произнесла директор.

– Двадцать второго июня, – продолжил я.

– Да, двадцать второго июня, – подтвердила Александра Анатольевна, – поучаствовать в историческом спектакле, посвящённом печальной дате? Всё будет происходить здесь, на фоне фотографий: госпиталя тех страшных годов, самоотверженных медсестер, солдат, раненных в кровопролитных боях; портретов горожанок-летчиц Ил-2; живших недалеко от музея братьев, они добровольцами ушли на фронт, каждый из них получил по ордену Красной Звезды и ни один не обнял родных; сберёгших головушки воинов, молодых людей, встретивших День Победы на улицах Берлина...

– Хочу! Это большая честь!

Ещё я долго простоял у интерактивного сенсорного киоска, читал: заголовки – международные конфликты; имена бойцов теперь и моего города, не вернувшихся из горячих точек; биографии и описания подвигов героев.

После чего Александра Анатольевна привела замдиректора краеведческого музея, Виталину Игоревну, коротко подстриженную стройную женщину в маленьком пиджаке, и её помощницу по организации и проведению мероприятий, миниатюрную брюнетку, которую «обнимал» павловопосадский платок. И мы вместе перешли в зал, где готовилась

к торжественному открытию новая экспозиция. Виталина Игоревна кратко рассказала, как она и её помощница разыскивали художников, увлечённых различными промыслами, обсуждали вопросы, относящиеся к будущей экспозиции, а также утверждали количество мастер-классов для детей и взрослых во время работы выставки.

– И вот, маленький друг, ты видишь результат нашего труда, – гордо сказала Виталина Игоревна, по её лицу было видно, как она любит свою работу и свой круг общения. Человек на своём месте.

– Мы будем проводить интересные видеоуроки для школьных лагерей, касающиеся народных промыслов. Ты приглашён! – Помощница посмотрела на меня.

– Пусть твой вожатый позвонит нам и договорится о дате, а если не пойдёшь в летний лагерь, тогда забегай сам, – предложила Виталина Игоревна.

– Обещаю! – обрадовался я.

Виталина Игоревна отцепила красный канат от стойки ограждения, и я приступил к изучению экспозиции словно первооткрыватель.

Макет белёной русской печи, жерло, горшки внутри него и дымоход казались настоящими. У печки прогрелись валенки, украшенные нашивками: глазастыми и улыбающимися полумесяцами. На печи мирно спал домовой в зелёной куртке и красном колпаке, а рядом – двузубая мышь с ушами-лопухами и носом-морковью.

– Валенки, домовой и мышь сваяны из шерсти, – пояснила Виталина Игоревна. – Знаешь, как это валять?

– Нет, – признался я.

– Тогда слушай: валять значит катать по поверхности, волочить или толкать, переворачивая...

Чуть позже меня удивили куклы-обереги из соломы: безликие, перетянутые нитями; некоторые их элементы – мелкие платки, косы, юбки, передники.

– Наши предки проводили с такими куклами обряды, крестьянские дети игрались с ними, а также они являлись детскими оберегами, – сказала Виталина Игоревна и продолжила: – А вот чем хотела похвастаться Александра Анатольевна. Узнаёшь «почерк»?

Я посмотрел на картины карандашом: женщины-крестьянки у деревянной многониточной подвижной прялки; пахарь, его плуг и лошадь на весеннем поле; щедрый сеятель; жница перевязывает перевяслом охапку срезанных колосьев пшеницы. Я догадался, что это рисовала моя одноклассница. И пожалел о том, что её нет рядом и я не могу выразить своё восхищение.

Далее из-за увиденного во мне закипела кровь воина. «Ничего себе экспонаты!» Натёртый до блеска рыцарский шлем, кожаные боевые рукавицы, кованые мечи, эфесы которых – стальной выющийся плющ. «Произведения искусств!» Деревянные миндалевидные щиты с железной сердцевиной и железными оковками, кинжалы – осиные жала. И

плоская наковальня, на которой кузнецом практически все это выковано из раскалённого до красна металла, разбрасывающего по кузнице огненные искры.

А в завершение я ознакомился с женскими сарафанами цвета ягод калины, схожими с платьями без рукавов, и белой мужской рубахой, похожей на сложенный пополам кусок ткани с отверстием для головы и узкими рукавами, с лаптями, плетёнными из лыка – подкорья молодой липы, – так давно одевались жители русских деревень. Разглядел деревянных медвежат и петухов, раскрашенных по правилам ранее незнакомой мне мезенской росписи.

Когда Виталина Игоревна занято разъясняла, чем мезенская роспись отличается от росписи дымковской игрушки, к нам неслышно подошли моя соседка по парте, золотые косы которой касались белой рубашки, и её усатый, как Дон Кихот, папа-художник.

– Лев, ты здесь!

– Да! Я очень впечатлен! Восхищён твоими карандашными рисунками! А твой папа так раскрасил печь! Сколы, огонь, угли, сажа – не скажешь, что это только краска!

– Приятно слышать, сосед! Да будет тебе известно, я ещё знакомую малышню учу рисовать!

– Спасибо, молодой человек! Моя дочка – способная ученица. Я на своих профессиональных страницах социальных сетей частенько размещаю её работы. У неё уже есть поклонники, – сказал папа-художник и закрутил ус.

А я широко улыбнулся и засиял от счастья.

Пришло время говорить до свидания гостеприимным сотрудникам краеведческого музея, так тепло принявшим меня. Александра Анатольевна подарила свою книгу, написанную в соавторстве с супругом, доктором исторических наук, подписав: *«Льву от соавтора, директора музея, на память»*.

– Приходи, Лев! Наши сердца и двери открыты для тебя, – такими добрыми словами проводила меня женщина-кассир.

Я закрыл тяжёлую дверь и, вдыхая подостывший летний воздух, подумал: «Я оказался в дружной семье! Теперь я преданный посетитель этого музея!»

Наша библиотека

Вы спросите меня: «Куда ты, Лев, часто-часто забегаешь? В магазин? К маме на работу? К отцу в гараж?» «Нет. Нет. Нет, – отвечу. – Я не могу жить без библиотеки!» Стеллажи, заполненные книгами, библиографические указатели, журналы на полках, читальный зал, столики и мягкие диваны для чтения притягивают меня, как магнит что-нибудь железное.

Именно библиотека то место, где я нередко встречаюсь с лучшим школьным другом Дениской. Он зачарованно открывает дверь, а я даже не замечаю его прихода. Сборник рассказов, по моей вежливой просьбе принесённый библиотекарем из фонда, уже умчал меня за тридевять земель. А ведь мы договорились обменяться книгами. Заложив страницу билетом на киносеанс (это вчера я наслаждался экранизацией любимой повести), достаю из рюкзака залпом прочитанную и обещанную другу книгу, а друг без сожаления расстаётся со своей, зачитанной от обложки до обложки.

На следующий день мы снова в библиотеке: обсуждаем проглоченные главы. Как же интересно говорить о книгах, когда твой товарищ такой же их любитель, ценитель и дегустатор каждого предложения автора.

Через неделю я прохаживаюсь между книжными полками, коллекцией уникальных произведений. Они полны: по-

гонями, охотой, сражениями, смехом, страхом, чувствами, новыми мыслями, интересными фактами, мудрыми советами, необычным и непознанным и много чем ещё. Это я сам решил найти роман, заказанный Дениской. Искал долго, потому что не удерживался, открывал и пролистывал привлёкшие яркими и интригующими названиями сочинения.

А через день уже выбирал «подругу», то есть книжку, себе. Я хотел чего-то фантастического и практически со всеми книгами этого жанра, представленными в библиотеке, ознакомился в читальном зале. Да, целый день провёл в любимой библиотеке: дождь начинался снова и снова, сверкало солнце, машин прошелестело за окном немерено, а посетителей было как на встрече с живым писателем. И я определился!

Ещё, не проронив ни слова, мы подолгу читаем современников на смартфонах, утопая в мягком диване у полки с классиками. Тогда ветер, скользящий через открытые окна, не находит страниц, которые мог бы перелистнуть.

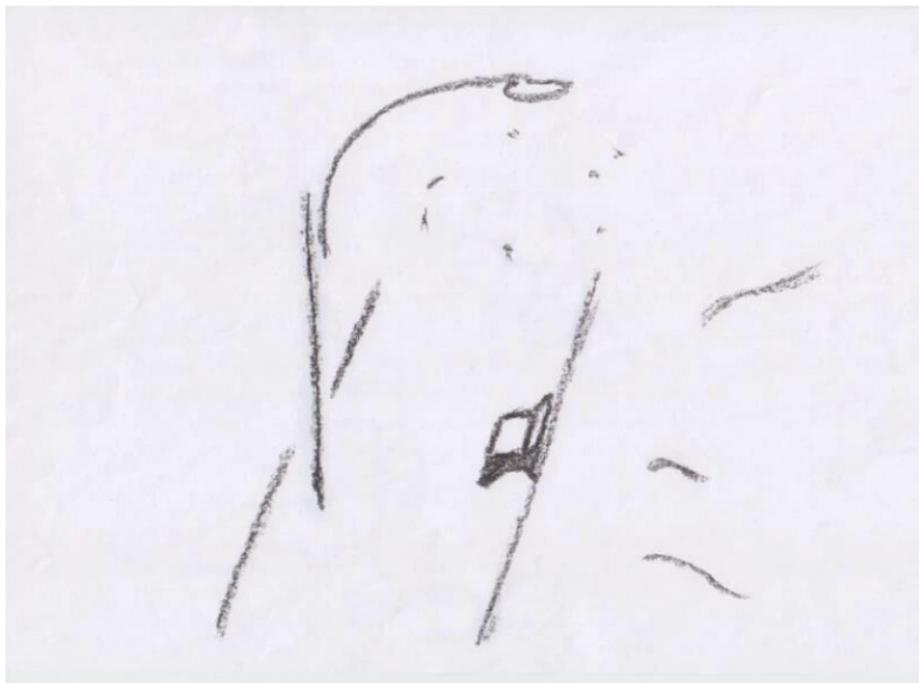
Добрые библиотекари уже не гадают о моих литературных предпочтениях и иногда советуют ту или иную историю. А я всегда поздравляю их с профессиональным днём.

Родители же не беспокоятся за меня, поскольку знают, где пропадает их сын.

Да, я – истинный книголюб и уверен, эта любовь навсегда! Ведь ничего не может быть лучше книги: имени и фамилии автора, названия книги, аннотации, первого абзаца и череды страниц...

Зима

Тридцать первое декабря

Тридцать первое декабря меня порадовало занятием по рисованию, последним в уходящем году. Добрые снежинки, освещённые фонарями, спешат добраться до земли. Почему

добрые? Да потому, что улыбка появилась на моём лице, когда они, светлые, посыпались с тёмного неба. В моём рюкзаке сильно мёрзнет «произведение искусства», картина акварелью, – подарок для лучшей преподавательницы. После школы я рисовал её целую предновогоднюю неделю. Получилась ли? Мне кажется, очень красива!

Комната вроде пуста. Настольная лампа одна пытается противостоять зимнему мраку. Пушистый кот, положив лапу на оранжевый мандарин, облюбывал подоконник. Он, повернув голову, смотрит через заснеженное окно на плывущий мираж – весёлое лицо хозяйки, моей преподавательницы. И автограф в углу: «Лев». Правда, загадочное «полотно»?

Теперь тротуар пестрит следами. Встречаются люди, несущие: яркие и хрупкие цветы (это кажется необычным, ведь сейчас холодно и черно); безупречные пакеты, скрывающие подарки, частицы счастья; божественные торты, защищённые высокими коробками. Снег продолжает тихо падать. Едва слышные волшебные ноты из рождественской сказки «Щелкунчик» композитора Петра Ильича Чайковского летают по городу и необъятной родной стране.

После занятия волнение охватило меня, но подарок с наилучшими пожеланиями вручён. Загадочная улыбка преподавательницы – ценная награда! «Пам-па парам-па парам-пам», – новогодняя мелодия Микаэля Таривердиева сама напеваётся по пути к дому лучшего друга.

Друг обещал отдать старую газету, ценную репортажем

о хоккейном матче, прошедшем в начале двадцатого века. Мой отец – доктор исторических наук, и я думаю, такой новогодний подарок осчастливит его. Газета, спрятанная в непрозрачный пакет, – редчайший музейный экспонат, оберегаемый от вредной пыли и губительных солнечных лучей дедушкой и отцом друга. И вот я держу её! Друг говорит, что вся игра описана художественно и при чтении создается впечатление реального присутствия на том матче: щелчки клюшек, дыхание хоккеистов, борьба за шайбу, ловкие вратари – всё слышно и все оживают.

Снег медленно ложится на наши шапки и плечи, не тает.

– Спасибо большое, дружище, ты не догадываешься, что сделал для меня! Да исполнится твоя мечта. Ты ведь хочешь маленького щенка.

– Не за что, бро. Не поверишь, мне кажется, в новогоднюю ночь моя мечта наконец-то сбудется!

– Увидимся после праздника!

– Увидимся, Лев!

Такими словами завершается наша тёплая встреча.

Следующая остановка – храм знаний, книжный магазин. Я долго думал, что в Новый год особенно порадует маму. И решил преподнести мамуле интересную книгу, в которой захватывающие и непредсказуемые события происходят в городе её детства, а ещё открытку, подписанную мною. Легко ориентируюсь среди стеллажей с книгами, и самая заветная книга оказывается у меня в руках. А открытку выбираю та-

кую: большое сердце в рукавицах. Когда покупка совершена, прямо в магазине, как говорится, на коленке, открытка оживляется мною: её матовый разворот исписан душевными словами. Я получил бы удовольствие, если бы задержался в тёплом и светлом магазине, полистал новые издания книг классиков и незнакомые произведения современников, но надо спешить домой, чтобы помочь родителям: мы всегда вместе готовим любимые салаты и красиво накрываем праздничный стол...

Дело сделано! Оливье, селёдка под шубой, а также другие вкусности нарезаны для особенного позднего ужина. За столом свечи создают уютную атмосферу. Новогодняя ёлка, наша красавица, сверкает сотнями лампочек. До выступления президента мы успеваем вспомнить яркие истории из жизни нашей семьи...

За разговорами незаметно пролетает время. Мы любимся друг другом, весёлыми, добрыми и немного уставшими лицами. Под бой курантов загадываем желания и рождается Новый год!

Время дарить подарки. Папа очень рад моему артефакту и говорит, что обязательно использует этот ценный материал для написания журнальной статьи. Мама расцеловывает. Я же бережно изучаю подарок от родителей – иллюстрированную арктическую энциклопедию! Ведь я мечтал стать полярником. Когда мы жили в Питере, я целые выходные не вылезал из местного музея «Арктики и Антарктики».

Перед сном вспоминается весь этот волшебный день, заново проживается мной. Новогодняя ночь. Я спокойно засыпаю с приятным теплом внутри. Одеяло нежно и ласково обнимает, словно мама. А за окном гремят и гремят салюты.

Чудеса дедушки Николая

«Ура! Каникулы!» Зимняя Москва, красавица. Хохочущее солнце. «Мороз, Красный нос». Румяные люди, гуляющие в одиночестве, выдыхают парок точно чайники. Потерять перчатку – значит вернуться домой за новой парой. Мне ещё тепло, и моя задача – хорошенько нагулять аппетит. Любимые дворы по-буднему пустынные, красно-сине-жёлтые детские площадки скучают, дворников тоже не видно, они уже справились с позавчерашним снегом, пенсионеры вернулись из магазинов чуть солнце приподнялось над домами, а студенты умнеют на последних парах. Так легко дышится, словно я не внутри мегаполиса, а затерялся в далёком провинциальном городке. А может, это вообще моё государство, где я сам написал закон о тихом часе, который должен длиться с десяти утра до пяти вечера, и лишь одному государю, то есть мне, дозволено не исполнять его. Но у метро никто не слышал о таком законе. Я, ускорившись, направляюсь к любимому немногочисленному кафе. Обжигающий пряный глинтвейн и холодный чизкейк – то, что сейчас нужно. Настроение опять поднимается на несколько градусов, а забортная температура по-прежнему сильно минусовая. Обратно к дому меня везёт водитель автобуса. Вдруг игривый солнечный луч ослепляет через стекло, и я погружаюсь в воспоминания.

Сам того не ожидая, переносюсь на гору Бештау Ставро-

польского края, и именно теперь стены мужского монастыря окружают отца и меня, искателей приключений. Горная обитель во власти пурги, повисшей, будто туман, и бьющей нас по лицам, мы щуримся или вовсе ничего не видим; укрытая лапами многовековых елей, их иголки скованы прозрачным хрусталём; продуваемая горными сбивающими с ног ветрами, холодящими кости там, где отсутствуют альпинистские куртки. Чего тут необычного? Зима как зима. А если я скажу, что ни снежинки не было у подножия горы, царило полное безветрие и солнце сияло, прямо как сегодня? Вот это контраст! Тогда у нас дух захватило, эмоции переполняли, мы не понимали, куда попали и что с нами будет. Параллельный мир! Иное измерение!

После такого воспоминания возникает желание посетить храм. Покинув автобус, трезво посматривая вокруг, я вскоре – у намоленной церкви, в которой, кстати, меня младенцем крестили. Полумрак, низкие своды, лампы коптят, свечи горят. Вечерняя служба пока не началась, тихо. Женщина прислонилась к иконе Пантелеймона. Мужчина сидит на лавке, его рука сжимает шапку, а глаза влажные от слёз. То же присаживаюсь, чувствую: здесь повсюду витает благодать. Хо-ро-шо... Вдруг ко мне плавной поступью подходит старик с седой бородой и в длинном балахоне цвета грудки снегиря. И откуда только он взялся?

– Добрый день, Лев! – заговаривает дедушка. – Меня звать Николаем, и у меня получается исполнять любые желания.

Дружок, может, хочешь смартфон, твой, гляди, поизносился совсем, или игровую приставку, недавно новая модель вышла. Не стесняйся, загадывай, точно исполнится!

– Добрый дедушка Николай, – отвечаю. Я почему-то сразу проникнулся доверием к старику, не удивился тому, что он знает моё имя, и не усомнился в том, что он исполняет желания. А встретившись с ним взглядом, мгновенно внутренне успокоился, притих и без промедления загадал самое-самое: – Хочу, дедушка, быть менее вспыльчивым, когда родители не понимают, и не судить людей никогда. Смартфон – дело наживное, а измениться никак не получается у меня.

– Лев, какое необычное желание, но я с большим удовольствием воплещу его, – произносит старик, когда двери храма отворяются и трое мальчишек моего возраста, неприлично ругаясь, перешагивают через порог.

Я отвлёкся и, разглядывая мальчишек, не решающихся сделать несколько шагов, подумал лишь об одном: «Убереги их». А раньше захотел бы, чтобы они вышли, не мешали, да ещё повесил бы на них ярлыки двоечников. Видимо, глобальные перемены произошли внутри меня, тут же приметил я. Дедушка Николай же испарился куда-то. Подойдя к настоятелю храма, мужчине почтенных лет в чёрном облачении, поинтересовался у него:

– Извините, а вы не видели дедушку с бородой почти как у вас? Он представился Николаем...

– Так вот он.

Священник по-отцовски подхватывает меня за руку и, улыбаясь, подводит к позолоченной иконе, возле которой горит больше всего свеч – это просьбы и благодарности. Не доумеваю, так как глаза изображённого старца – те самые. И написано по-церковнославянски: «*Святитель Николай Чудотворец*».

«Вот так Чудеса! Вот так Волшебство! Вот так Подарок! Большое спасибо, дедушка Николай!» – не уставал повторять я, когда ставил свечку перед сияющей иконой Николая Чудотворца и по пути домой, а закатное солнце не сдерживало последние смешки, и этим вечером попадались пресамые счастливые люди!

Рождество

– Лев, расскажи про Рождество Христово так, чтобы каждое предложение начиналось с заглавной буквы «И», как имя Спасителя. У тебя получается красиво говорить.

– Мам, я готов!

– Так быстро?

– Я вдохновлён прошедшим Рождеством, поэтому да.

– Сын, тогда приступай!

– Мама, слушай! И мы вышли из дома перед волшебным Рождеством. И посмотрели: кругом – темень, вдали – чернильный лес, два высоких фонаря, белых ангела, – высоко под космическим небом. И ступали по узким тропам, прорытым в глубоких сугробах. И снег хрустел под ногами, как хлеба. И снежный покров искрился бесчисленными алмазами, приласканный луной и домовыми фонарями. И было тихо, так, что пойдя снег, пух слышно бы касался лёгких одежд. И да, одеты по-осеннему, ведь оставили натопленный до жара дом, словно вынырнули из-под одеял колыбели. И красные, синие, зелёные, жёлтые лампочки гирлянд прятались друг от друга, как жизни человеческие, вспыхивающие и затухающие. И банька, и плетень, хорошо занесённый снегом, и молоденькая ёлка, прижавшаяся к крыльцу, радовались ярким ожерельям, превращающим их в сказочных героев, а окружающую ночь – в библейскую, ту самую, озарённую Вифле-

емской звездой. И влажными от мороза или от нахлынувших чувств глазами смотрели на звёздное небо – бриллиантами вышитую вуаль, думали о Христе, о его пути, говорили: «Спасибо» – спасённые Иисусом из Назарета обещали не запятнать себя грехами. И во мраке комнаты горел полуночный огонёк свечи, переливался цветами экран телевизора, шла рождественская служба. И утром уже были у своего родного, милого сердцу собора. И на голубом небе сияло солнце, прикрытое морозной дымкой. И всей семьёй рассматривали праздничный вертеп со Спасителем, божьими людьми Иосифом и Марией среди живых зверей, которые лакомились вкусным сеном. И ставили свечи перед распятием, перед Богородицей с Христом Младенцем на руках, знающим все тайны мира, свою нелегкую судьбу. И шептали: «Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое...»

Очень снежный День свадьбы

Мело, мело все утро, и отлично, что конца настоящей зиме не было видно. День свадьбы родителей, знаменательное событие, наступил с приходом метели. Передо мной стояла приятная, но нелёгкая задача: во что бы то ни стало торжественно поздравить ни чуточку не растерявших любви, по-прежнему новобрачных маму и папу. Ещё накануне я догадался посмотреть прогноз погоды, и поэтому был во всеоружии, полностью готов к приходу долгожданной многоснежной зимы. В тот день жёлтая шапка подарила моим оттопыренным ушам домашнее тепло, флисовый бежевый шарф заслонил тёплое тело от ледяного дыхания циклона, перчатки для суровых зимних дней и полусапоги, хоть по полям и лесам ходи, тоже порадовали, а ветер не переставал гонять снежные бусины по тротуарам, как песок летом, и закручивал снежинки в смерчи – от крохотных под ногами до способных поднять по спирали, выше головы, какой-нибудь пакет, брошенный бесстыжим горожанином.

Я приступил к выполнению праздничной операции «Цветок Орхидеи» сразу же после последнего урока. Автобус, подползший к остановке, даже раскрыл все свои рты, когда увидел меня, бежавшего к нему, меня, чьи сапоги утопали в снегу, а ноги разъезжались, будто делали шпагат, чей пенал гремел в припорошенном снегом школьном рюкзаке. Тогда

я проехал ожидавший прихода хозяев наш милый дом, свой бывший детский сад, в который водила бабуля. За окном пешеходы переминались с ноги на ногу, чтобы распугать холод, из-за студёного снежного ветра наклоняли головы и плечи. Ветер то срывался, то замолкал, гнал бешено одни снежинки, кружил другие в хаотичном танце. Автомобили двигались со льдом и снегом на крышах, под лобовыми и боковыми стёклами, на бамперах и днищах, с сосульками под радиаторами, перемещались, задыхаясь, тяжело, по нечищеным дорогам, ржавому снегу, перемешанным фрагментам шинных протекторов.

Автобус словно дремал на ходу и считал, что послеобеденная дрёма очень даже полезна, а на самом деле тоже с трудом разбрасывал колесами рыжий снег к забелённым тротуарам. Тротуары цвета пломбира все были исчерчены отпечатками колёс детских колясок, лыжнями, которые проложили санки, а каблуки и носы ботинок и сапог разбили их до чёрного асфальта. Я вышел из автобуса последним. Прошёл по мосту, забитому машинами, они дымили как теплоэлектростанции. Мимо церкви, где совсем недавно родители венчались, и наша семья после такого светлого обряда стала ещё счастливее, терпимее и сплочённое. Рядом с маминой работой, мамуля не догадывалась, что где-то близко её Лев пробирается через снега. И мне попадали в глаза стеклянные снежинки и таяли, те же снежинки кололи, как при статическом разряде, открытое лицо, а ледяной ветер, приклеивавший к телу куртку

и джинсы, шумевший в укрытых ушах, охлаждал мои щёки, замораживал мой нос, а отступая, разогревал их до красна. Но вероятнее всего мама что-то почувствовала.

Далее также пешком через малолюдный квартал соседнего спального района. Редким машинам удавалось разогнаться до максимально разрешённой скорости, и из-под колёс летел бежевый снег, брызги мутных бразильских вод, а к скучавшей парковой стоянке вели тёмно-жёлтые автомобильные следы (чтобы узнать их, и следопыт не нужен). Я миновал местный парк – седое озеро, окружённое заснувшими деревьями, которые стучали ветвями, парк, где застуженные детские и спортивные площадки потеряны в пышных снегах. Рядом с ним утоптаные тропы скрипели, слева и справа от них возвышались непримятые молочные перины.

У магазинов рабочие, обхватив руками деревянные древки, толкали лопаты, свои орудия труда, полные плотного снега, ловко раскидывали, как рыхлую землю, снег, жестяными или пластиковыми краями лопат очищали пороги и скользкие ступени. А небеса по-прежнему походили на белую однородную массу, тесто, и мелкий снег, туманом растянувшийся по городу, опять заваливал проходы к магазинам, и в свете ламп вывесок прекрасно различались, как перед глазами, несущиеся снежинки.

Стуча у огненно-красных светофоров ногами, стряхивая налипший на сапоги снег, вскоре был у своей цели – магазина «Миллион Цветов». Это настоящие экваториальные

джунгли, окружённые арктическими снегами. Заветная фиолетовая орхидея – необычный, сияющий южным солнцем подарок любимейшим родителям на День свадьбы – ура! – при-об-ре-тён за сэкономленные карманные деньги. Но по дороге к дому я мог легко повредить её, ведь метель не унималась и гуляла пуще прежнего, открывала шире и шире, нараспашку, свою снежную, ветряную, морозную душу, такую русскую, родную. Меня спасла неожиданная встреча со школьным другом.

– Лев, привет!

– Привет!

– Что ты здесь делаешь?

– Купил дольку солнца – орхидею, подарок для родителей, у нас сегодня необычный день – День свадьбы! А тебя как сюда занесло?

– А мы, я и папа, приглядели охапку роз для нашей мамы, именинницы. Хочешь, подбросим до дома, а то не донесёшь свое солнце.

– Вовек не отблагодарю. Огромное спасибо!

Папа друга выдал нам по щётке, и мы, синхронно подняв дворники автомобиля, рассеяли по ветру прикорнувший на лобовом стекле снег, а когда машина поехала, обернувшись, смотрели через заднее стекло, как снежинки слетали с крыши и принимали очертания свадебной фаты, поднятой ветром. Тем днём в машине, что удивляло, было чисто и тепло. Снег ложился на прогретое стекло, и – о, чудо! – появлялись

прозрачные слёзы, дворники запросто смахивали их. Да, за стёклами автомобиля по-прежнему всё мело и играло...

А я обнимал хрупкую орхидею! Ура! Я ехал домой с подарком! Для родителей! Ура!

Зимний лес

Всю весну и лето мы с особым теплом вспоминали наши фантастические новогодние каникулы и праздники. Тогда сначала дружно отдыхали в загородном отеле...

Мама, я и солистки народного разноголосого ансамбля в кокошниках, вышитых бисером, расписных красных платках, завязанных поверх них, зелёных юбках-колоколах кружились под заводные мелодии, которые гармонист в овчинном полушубке и меховой шапке извлекал из своей обожаемой тальянки. Вдоволь напевшись песен и до устали натапцывавшись будто на московских площадях старой колядующей Руси, заметили и обступили статного Деда Мороза. Фотография вышла замечательная: мама сияет от счастья, прижавшись к седой бороде и усыпанной морозными узорами шубе! А мне посчастливилось подержать сказочный посох в руках, даже сильно ударить им о дорогу и, обернувшись, совсем не ожидая, увидеть Снегурку, как по волшебству появившуюся.

А затем вместе с папой утолили голод, напившись обжигающего сладкого чаю из золотого пузатого самовара и закусив сытными баранками.

– Ася, подкрепились? Значит, самое время исполнить свою мечту: оседлать лошадь и прокатиться на ней по зимнему лесу. – Мама знала, чего хотела её дочка.

Моя лошадь дружелюбна.

– Позволь внимательно рассмотреть тебя, – обратилась я к вороной лошади, коснувшись её гривы. Это преданное людям животное сразу поразило своей красотой, силой и своими размерами.

Вдев сапоги в железные стремяна, я с довольным лицом, будто вспомнила что-то приятное, расположилась в потёртом седле, под которое подложено тонкое одеяло, сдвинула на затылок шапку-ушанку, открыв тёплый лоб, руками в кожаных перчатках взялась за седло, спину выпрямила – чем не амазонка, отправленная завоёвывать северные земли по воле своей царицы. А инструктор, держа удила, направила мою подругу.

Пронизанное белыми лучами небо казалось серебряной тканью, натянутой надо мной, наездницей. Ехала верхом вокруг заснеженного поля с торчавшими травами, заходя в высокий и затенённый внизу еловый лес, и опять возвращалась к полю. На его противоположных краях, издалека, узнавались по еловым лапам, клонившимся от снега, столетние ели, солдаты, стоявшие друг за другом, чьи плечи припорошены снегом. У его же кромки лежала вековая красавица: покрытые снегом корни поднялись над землёй, зияла чёрная пасть, окружённая белым ковром. Флагоподобные сосны и скелеты высохших, но пока не упавших деревьев попадались там и тут.

Лошадь шагала по проложенной другими лошадьми и ко-

гда-то ей самой тропе, оставляя позади круглые ямки в снегу. Проезжая под ветвями, я приникала к лошади, и снег летел мне за шиворот и на её расчёсанную гриву. То она мотала головой, то проваливалась, то взбрыкивала, а я качалась как в лодке. Повторяя за героем одного фильма, высывала язык, и снежинки таяли на нём. Чем не пленённая североамериканская индианка? И не женщина-инструктор, забывшаяся мне необыкновенно пушистой шапкой и шарфом крупной вязки, вела лошадь, а шериф северного поселения...

После загородного отеля мы добрались до одинокой областной деревушки, потому что хотели увидеть целебный источник.

Тем днём небо над горизонтом – голубая акварель, а выше добавлялся белый цвет. Много раз за зиму трактор чистил дорогу в деревне, поэтому обочины обросли сугробами по пояс, а жители сами очистили площадки для машин у домов. Мы оставили нашу машину у стен местной обители: монастыря, приюта-пансиона для девочек сирот и золотоголовой церквушки. И пошли по сугулому мосту, а далее – по лесной тропке к источнику.

Замёрзшая и занесённая снегом река тем днём – белое поле. На ней – рыбаки, любители особой романтики, подлёдной рыбалки. Белые на белом тропы вели к местам рыбной ловли. Рыбаки во сто одежек одеты: в дутые костюмы, под капюшонами – шапки. Сидели на рыболовных ящиках, со-

гнувшись над лунками, а рядом воткнуты ледобуры в лёд. Те, кто повеселее и поразговорчивее, «охотились» по двое, а те, кто поугромее – по отдельности, у разных лунок, но недалеко друг от друга – напали на рыбное место.

Деревня и монастырь удалялись, а впереди уже чернел и белел лес. Зайдя в него, мама вздохнула от восторга: «Ася! Какая красота!» С двух сторон еловые лапы – не пересчитать – словно сваяли из козьего пуха колпаки для себя. Высоко над головами – припудренные ветки, бледные пальцы. Тропа утоптана в центре, а дальше, по бокам, всё меньше и меньше следов и девственный снег. Вдоль неё и в лесу пробивались сквозь снег те же сухие травы и кусты, а ещё в нём, как в молоке, утопали состарившиеся деревья, натянувшие на себя отбелённые одежды. Вместо рисунка светлый покров привлекал ямами, холмами, скатами, они повторялись, прикрывали друг друга, сливались вдаль, и не было видно горизонта, лишь белый ковёр, стволы и ветки в снегу. Благодаря ветрам деревья снизу присыпаны снегом так, что это похоже на муравейники из сахара. Даже слегка, меньше Пизанской башни, наклонённые стволы раскрашены белым. А ветки наперебой хвастались своими головными уборами цвета парусины, чем не масляные мазки, положенные Клодом Моне или Ван Гогом. Мохнатые ели такие высокие, что можно долго рассматривать их от корней до макушки и удивляться сказочности и царственности этих близких русской душе деревьев. Родители ушли вперёд, и ели-великаны, как старшие

предки, склонились над ними.

Тропа уводила нас всё глубже и глубже в лес, а мы глядели по сторонам и восторгались. Белая лебедь – это невысокое дерево распахнуло ветви. Ёлка отошла от сосны, открывая взору лесное озеро. Подглядывая за ним, мы не потревожили его сладкий сон. Вечнозелёные хозяйки леса не менялись: склоняли под тяжестью снега лапы, словно кутались в одеяла, и им снилось певучее и шуршащее, квакающее и жужжащее лето. Опять виднелось озеро: на этот раз голый ствол делил пополам полотно, будто отъявленный злодей разрезал картину, создаваемую художником долгие годы. Другие тонкие ветви, державшие снег, напоминали крону цветущей сакуры. А вот осина нарядилась в свадебное платье: пышный снег облепил весь ствол её, аж свисал складками. Снежинки по-прежнему путались в еловых иголках. Некоторые зелёные лапы касались снежного ковра и при сильном ветре, конечно, мели его как веники. Одна ель склонилась к другой, прямой. Другие изумрудные подружки спасали от возможной непогоды стоящую среди них голую берёзу – худенькую сестру.

Пребелая тропа сливалась с воздушным пологом, когда я сошла с неё, утонула выше колена в нём. Папа же стоял, не шевелясь и запрокинув голову, всматривался в ясное весёлое небо, разбиваемое густыми макушками. А у мамы в малиновой куртке – румянец на щеках. Мама, позируя для фотоснимка, присела у гигантской ветки с зефирной шапкой, и мне показалось на миг, что это закатное солнце спряталось,

чтобы удивить всех.

Не заметили, как подошли к бревенчатой, в снега одетой часовне, радовавшей где-то в небесах золотым крестом и через окна – звёздами лампадок и свечек. А рядом – тёплая церковная лавка и открытая беседка, также смастерённые из брёвен, остроганных, урезанных, подогнанных друг к другу; студёный источник, укреплённый камнями. А вокруг «оазиса» – зимний лес, деревья надёжной стеной.

Крестясь, молились перед любимыми святыми в часовне; пригубили тёкшую струйкой целебную водицу, набрали её, взяли с собой; у церковной лавки приласкали мурлыкавшего и тёршегося о ноги чёрного кота с жёлтыми глазами, такого доверчивого, гревшего своим теплом, и отстранённого. В беседке разлили горячий чай по кружкам, благо термос был припасён, и, наслаждаясь русским пейзажем и приятной тишиной, согрелись, а после покинули с благодарностью уютный закуток, спрятанный в дремучем зимнем лесу, закуток, где всеми ощущалось чьё-то присутствие.

Души подлечены, оставалось лишь набраться физическо-го здоровья на даче. Нас ожидало славное катание на лыжах по лесу, протянувшемуся вдоль дачных участков. Солнце – сияющее белое пятно, снег белее праздничной скатерти казался белым небом со звёздами-пульсарами. Как же глаза слепли! Стройные лыжи со вздёрнутыми носами беспрепятственно скользили только вперёд по нарезанной папой и накатанной мамой лыжне, узкой двухполосной дороге, разде-

лённой снежным наносом. От такого необычного движения и невесты-зимы мы возрадовались. Протопленный дом, из трубы которого поднимался жар и дымок, постепенно скрывался из виду.

И мы опять погрузились в прекрасный зимний лес: кусты брусники выглядывали из-под белых покрывал, крупинцы снега – на мелких листьях; сосны-детки в белых кепках; ямы, присыпанные снегом, – что-то вроде бывших лежанок медведей; заячьи петляющие следы и лисьи около. «Ну, погоди!» – наверное, досадовала лиса, упустившая длинноухого. Молодой дятел колотил берёзу-свечку: «Тук-тук, тук-тук».

Когда я шла первая, лыжи проваливались, разламывая снежный покров, как атомный ледокол – льдины; палки погружались глубоко в снежную вату; и, смотря, как планируют редкие снежинки, можно было без усталости ходить и ходить или скатываться с лесных горбов. Мороз крепчал, и, если бы не движение, мы бы уже возвратились к не успевшему растерять тепло дому. А так катались и катались одни в тишине леса... Но праздники подходили к завершению, обратная дорога ждала нас.

Дополнение

Морозным днем

«Мяу!.. Мяу!.. Мяу!..» Что это?..

Утро. Мороз. Солнце. Тихая площадь и дорога. Только-только всё начинает просыпаться. «Что это?» – спросит себя проходящий мимо «жаворонок». Естественно, подумает, что послышалось, и поспешит дальше. Но вот опять: «Мяу!.. Мяу!.. Мяу!..» Конечно, это кошка. Но откуда доносится её голос? Просьба? Плач? Да, скорее всего это просьба или плач, но никак не довольное мурлыканье. Но откуда? Всё покрыто снегом. Площадь. Дорога. Припаркованные машины. Ближайшие дома – в двухстах, а то и в трёхстах метрах, а значит, и подвалы этих домов (ведь кошки любят прятаться в подвалах). Но голос точно слышен посреди пустынной дороги. Вот опять, слушайте: «Мяу!.. Мяу!..»

Лев вышел из дома рано, ему нужно успеть в университет на первую пару. Щипал щеки февраль месяц. Весь прошлый день и всю ночь быстро падал мелкий стеклянный снег и дул ветер. Насыпало много снега. Коммунальные службы после окончания снегопада начинали напрягаться и заводили свои тракторы с щётками и ковшами. Голые деревья, а особенно вечнозелёные ели надели снежные шапки. Недав-

но выкатившееся солнце роняло нежные лучи, и белоснежный девственный снег сказочно искрился. Лев, прокладывая тропинку для следующих пар ног, прошёл по знакомой улице один дом, затем второй. С крыш слабый ветер сдувал снежную пыль, и она вначале летела, словно стряхивали белую простыню, сшитую из маленьких точек, а потом рассыпалась и исчезала. Лев пробрался ещё возле одного дома и вышел на небольшую занесённую площадь. Теперь он прорывался по тротуару вдоль дороги, огибающей площадь, а рядом стояли машины разных марок, по двери засыпанные снежным пухом...

«Мяу!.. Мяу!..» – услышал Лев. Остановился. Прислушался. «Мяу!..»

«Но откуда? – подумал он. – Неужели кошку снегом занесло?» Он стал искать эпицентр столь жалостных просьб о помощи. Нагибался и слушал. Подходил всё ближе и ближе, ближе и... уткнулся в машину, настоящую «рабочую лошадку». Лев обошёл машину и выяснил, что кошачье «мяу» и его источник спрятаны где-то под капотом автомобиля. Перед ним стал следующий и весьма проблематичный вопрос: «Как достать это плачущее “мяу”?» Раннее утро. Снега по колено. Хозяин машины, возможно, неизвестно где. «Но попытаться стоит, – решил Лев, – не умирать же от голода и холода этому невезучему существу?» И, упершись руками в автомобиль, стал его раскачивать. Тут же сработала сигнализация, и тишину разорвали звуки, пронзительные и беспокоящие.

Вскоре появился морщинистый мужчина с жёлтой кожей. Подойдя на близкое расстояние, за несколько шагов до Льва, он отключил поднявшую его сирену и закричал: «Ты что творишь!» – «Да постойте, я все объясню». – «Чего тут объяснять?!» – «В вашей машине сидит кошка». – «Ты что такое говоришь?!» – «Послушайте сами. Я хочу её достать. Другого выхода не было, как заставить сработать сигнализацию. Я никуда не уйду. Послушайте. Она под капотом».

В глазах мужчины отразилось недоумение. Возникла небольшая пауза. И спасительный голос, как для Льва, так и для самой себя, вовремя подала несчастная кошка.

«Да, дела», – удивился хозяин автомобиля после услышанного и открыл капот. После недолгого осмотра «лабиринта» подкапотного пространства засверкали два зелёных крохотных глаза. Это был средний котёнок. Но достать его было невозможно ни широкой рукой мужчины, ни худой рукой Льва. Мужчина ворчал на кого-то ведомого только ему и на испуганного котёнка, уже не желавшего покидать свой угол. Лев предложил приманить едой это беззащитное существо. На что мужчина дал добро.

Лев сбегал домой и принёс пачку творога и бутылку молока. Объяснил, что нужна тишина и покой. Через некоторое время котёнок нерешительно покинул своё убежище. Лев обнял ладонями дрожащий комочек и положил себе за пазуху. Мужчина, увидев спасённого чумазого котёнка породы «какой родился», смягчил свой нрав, разговорился и пове-

дал свою версию, как такое могло произойти. Ещё до снегопада он взялся чинить поломанный полуторалитровый двигатель. Ему понадобился другой ключ. Не закрывая капот, он поднялся в квартиру и, не найдя и там нужного, решил купить его позже и тогда доделать начатый ремонт двигателя. Вернулся к автомобилю, захлопнул капот и возвратился домой. «Вот тогда этот чертёнок и спрятался, – закончил монолог мужчина и, обращаясь ко Льву, добавил: – Смотри, парень, чтобы больше такое не повторилось». И ушёл.

Лев нёс котёнка домой. Котёнок лежал за пазухой и, казалось, спал. Им обоим было тепло этим морозным днём.

Дома он вымыл котёнка, налил ему молока. И поспешил в университет...

Вернувшись домой после занятий, Лев был рад видеть спасённого котёнка, который вышел его встречать. Лев заварил травяной чай и подошёл к окну с кружкой. Отхлебнул тёплого чая и подумал: «Видимо, этот котёнок, ища что-то съедобное, перебежал из подвала в подвал через площадь, испугался проезжавшей машины и забрался в открытый капот». Лев сделал ещё глоток: «Отнесу его завтра на крытый рынок к рыбной лавке. Там тепло, и еда всегда найдётся. И наверняка его кто-то возьмет к себе». Окинул взглядом любимый город: снега не стало меньше, солнце клонилось к горизонту, автомобили, родители с детьми, молодёжь и старики спешили по своим делам. И отхлебнул ещё чая: «Какой чудесный светлый день. Как хорошо, что мы спасли этого

глупого котёнка! Как хорошо!»